

Для поклонников
«Хроник семьи Казалет» Э. Говард

ХЭРРИЕТ ЭВАНС

САД УТРАТ
И НАДЕЖД

«НИКТО НЕ ПИШЕТ НАСТОЛЬКО ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
СЕМЕЙНЫЕ САГИ ТАК, КАК ЭТО СДЕЛАЛА ЭВАНС».

IRISH TIMES

Хроники семьи от Хэрриет Эванс

Хэрриет Эванс

Сад утрат и надежд

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эванс Х.

Сад утрат и надежд / Х. Эванс — «Эксмо», 2019 — (Хроники семьи от Хэрриет Эванс)

ISBN 978-5-04-113240-8

Соловьиный Дом – место, где всегда была счастлива семья Хорнер. Здесь Эдвард Хорнер, всемирно известный художник, написал свою знаменитую картину «Сад утрат и надежд». Он сжег ее перед смертью, ничего не объяснив любимой жене Лидди. Спустя годы правнучка Эдварда, Джульет, окажется на пороге Соловьиного Дома. Что скрывает эта земля, на которой цвели яблони, строились планы и разбивались сердца?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113240-8

© Эванс Х., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	51
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Хэрриет Эванс

Сад утрат и надежд

Моей Марте

«Будущее еще не написано; прошлое сожжено и кануло в небытие».
Надпись на табличке картины «Сад утрат и надежд», сэр Эдвард
Хорнер, 1873–1919

Harriet Evans
The Garden of Lost and Found

* * *

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2019 Venetia Books Limited

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление/ ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

1

1918. Июнь

До конца своей жизни Лидди будет гадать, могла ли она остановить Неда. Ах, если бы она чуть раньше обратила внимание на его настроение – он был таким странным после их возвращения из Лондона, если бы она поняла, что задумал совершить ее супруг, когда потратил все до последнего пенни, чтобы выкупить «Сад утрат и надежд»... Если бы она не сидела за письменным столом, глядя в пространство – если бы она была внимательнее и *видела* больше вокруг себя, могла бы она вмешаться и остановить Неда? Но когда Лидия Дайзарт Хорнер пришла в мастерскую мужа, было слишком поздно. Она не сумела спасти из пламени самую знаменитую – и уж точно самую любимую – во всем мире картину.

Был июнь. Лидди зашла в гостиную. Французские окна были открыты в прелестный сад, в воздухе витали ароматы жасмина и лаванды. Удрученно перебирая вечную пачку неоплаченных счетов, она вдохнула полной грудью запах цветов, чтобы он вытеснил запахи пыльных книг и ковров, газовых ламп и бараньего окорока с розмарином – стряпни Зиппори. В то утро Лидди срезала розмарин и собственноручно выкопала из черной земли несколько кустов молодого картофеля: ровные, золотые клубни. А для украшения стола она выбрала лиловые, темно-красные, розовые цветы: тяжелые розы, сирень и гравилат.

Они приехали в этот дом двадцать четыре года назад, почти день в день, в яркий и полный надежд июньский полдень, когда за домом грустили над речкой ивы, а молодой дубок, который с тех пор вырос и уже возвышался над крышей дома, оделся в свежую зелень. Уставшие от долгой дороги, они почти не замечали буйства пробудившейся природы. Нед помог молодой жене – они были так молоды, почти дети, – выйти из коляски и понес любимую на руках. Она растянула лодыжку в их прежней квартирке, милом надвратном доме, – как давно она не вспоминала о нем! И никогда после него ей не было так уютно и хорошо, даже теперь. В памяти Лидди до сих пор сохранилось неловкое ощущение – желание привести в порядок волосы – тяжелую массу, упавшую ей на плечи, когда коляска тряслась по неровной дороге, но руки Неда крепко обнимали ее, лицо его светилось от усилий и яростной одержимости, с которой он постоянно жил и которая в конце концов его погубила.

– Лидди, послушай! В кронах деревьев поют соловьи, я слышал их вечером. Я слышал их пение.

Высокий странный дом приветствовал новых жильцов, но никто из людей не владел им по-настоящему, все они просто жили в нем. Золотистый котсуолдский камень с пятнами лишайника сохранял летом прохладу, а зимой ловил солнечный свет. Виргинский плющ закрывал южную сторону дома, лимонно-зеленый весной, малиново-красный осенью, белые кружева гортензии красовались под окнами кабинета и столовой. Вокруг двери были вырезаны совы, над ней белки, а наверху на четырех каменных перемычках гордо красовались четыре каменных соловья.

Они были и на ее кукольном домике, вот почему она поняла, куда привез ее Нед. Да, те воспоминания. От них у нее перехватило горло и на этот раз – как всегда.

Первые шагжки Джона, шаткие, решительные, крошечные по неровным ступенькам, ведущим в Заросли, а там его сестренка пела песенку из «Матушки Гусыни», которую специально переделала для него:

Джон, Джон, сын художника он.
Украл пирожок и прыг за порог.

Морозное рождественское утро, когда Элайза тайком ушла рано утром и вернулась домой, покрасневшая от мороза, волоча за собой плющ и жесткий остролист.

Первый приезд Мэри, ее милое, смуглое лицо в дверном проеме, слезы на глазах, ее медовый, низкий голос: «Я чувствую, что мама здесь, Лидди – она здесь, правда?» Но это было восемнадцать лет назад, и теперь она даже не знала, жива Мэри или нет.

Время работы над картиной – то золотое лето, когда она часами позировала Неду. Дети – эльфы, танцующие в саду с птичьими крылышками, и Нед, безумно старавшийся все уловить, запечатлеть воспоминания, любовь, красоту сада на холсте...

Дребезжание велосипеда в то чугунно-холодное утро, телеграмма, птицы замерзли на ветвях. Все умерли. Она дала деньги мальчишке-почтальону. Совершенно спокойно.

Лидди снились сны, в которых другая женщина сидела за письменным столом, за этим самым, и глядела в сад; ее волосы убраны наверх, как у Лидди. Та женщина была не она, а кто-то еще, но лица ее она никогда не видела.

В тот день она не могла сосредоточиться. Весна выдалась ужасно холодной, и внезапная летняя жара в тот день была особенно желанной. Выронив из пальцев счет от мясника, Лидди сидела и сонно слушала соловьев, а гудение шмеля у оконного стекла лишь усиливало ее дремотное состояние.

И тут она уловила запах. Поначалу слабый, сладковатый запах зимы.

Но по ее распоряжению в доме после Троицы никогда не зажигали огонь. В саду тоже. Садовник Дарлинг знал, что этого нельзя делать, потому что птицы сидели на гнездах. И какой-то инстинкт, некая мышечная прапамять о несчастье заставили ее встать и протиснуться мимо письменного стола на террасу, где аромат роз теперь еще сильнее смешивался с этим запахом.

Это был запах чего-то горелого. Запах пожара.

Лидди побежала к Голубятне, старинному банкетному домику на краю сада, где Нед оборудовал себе студию. Она уже слышала треск горящей древесины, потом что-то раскололось и раздался страшный, почти нечеловеческий крик. Она ускорила шаг, каблуки ее маленьких шелковых туфель вязли в мягкой земле, тяжелый темно-розовый шелк платья прилипал к ногам, словно мокрый. Подойдя к домику, она остановилась в дверях и закричала, вскинув над головой руки.

Нед стоял перед оранжевыми языками жадного огня. От пламени летели белые искры, и он хватал их, сжимал, размахивал руками и топал ногами по полу.

– Все! Нет ее! – пронзительно визжал он, маниакально тыча пальцем в огонь. – Нет ее! Нет! Нет! – Его голос был писклявым, птичьим. – Нет ее!

– Дорогой мой! – воскликнула Лидди, громко, чтобы он услышал ее сквозь рев огня. – Дорогой! Нед! – Она схватила его за плечи и хотела повернуть прочь от пламени, но он грубо оттолкнул ее с силой безумного человека.

– Я давно хотел это сделать, – сказал он, но смотрел не на нее, а сквозь нее.словно ее не было рядом с ним. Его щеки покраснели. – Я уничтожу ее. Магический трюк! Она больше не будет нас преследовать, Лидди! Она больше не принесет нам беду!

От жары у нее болело лицо, но она смотрела раскрыв рот. Она уже знала, что увидит.

«Сад утрат и надежд», обернутый в коричневую бумагу и перевязанный веревкой, стоял на мольберте в студии восемь месяцев, с тех пор как Нед выкупил его. Теперь она увидела, что

печать сломана, а из кое-как перевязанной бумаги выглядывали края золоченой рамы. И пока она смотрела, Нед схватил картину и швырнул ее в огонь. Рама мгновенно вспыхнула.

Лидди закричала словно от боли – и бросилась к огню, но Нед оттолкнул ее. Она не отрывала глаз от завернутой в бумагу картины. Золотая рама плавилась, уходила в небытие, исчезала у нее на глазах. Ее дети, рассматривавшие что-то интересное на траве. Их прелестные спины слегка наклонены, крылышки поблескивали золотом в лучах вечернего солнца – Нед изобразил их на холсте с поразительной точностью, и вот теперь они сгорели. От них не осталось ни следа, жадное пламя лизало табличку: «„Сад утрат и надежд“, сэра Эдварда Хорнера, К. А. 1900».

Какой громкий шум! Она никогда не думала, что огонь может так рычать и рыдать!

Лидди обняла мужа.

– Нед, – рыдала она. – Милый, как ты мог? – Она с трудом оттащила его на несколько шагов и приложила ладонь к его лбу. Лоб был ледяной, глаза стеклянные. – Боже милостивый – зачем?

– Он больше не вернется. Я сжег его. Он канул в небытие. Она тоже. Маленькие птички улетели... – Вот все, что он мог сказать.

Лидди прижимала к себе его дрожащее тело, скользкое от пота. Он едва ли сознавал, где он и что совершил. От страха у нее перехватило горло.

– Милый, пойдем в дом, – умоляла она. – Ты нездоров.

Но он снова оттолкнул ее.

– Я здоров. Я здоров.

От густого черного дыма у нее текли слезы. Она закашлялась, и Нед сжал ее руки.

– Теперь нам больше не придется смотреть на них, – сказал он внятно и серьезно. Половина его лица была в тени, на другой, оранжево-розовой, трепетали отсветы пламени. – Этот огонь очистил нас. Да, Лидди, очистил.

Оттолкнув ее, он протянул руку за маленьким эскизом к «Саду утрат и надежд», который всегда висел в углу мастерской. Собрав все силы, Лидди вырвала у него эскиз и выпихнула Неда в сад. После этого она собрала всю одежду и тряпки, какие могла, и вдруг с ужасом поняла, что мастерская может в любую секунду взлететь на воздух из-за хранившегося там скипидара. На полу валялся свернутый ковер. Она набросила его на огонь. От тяжести ее руки оказались над пламенем; она ощутила пронзительную, раскаленную боль, услышала шипение собственной кожи и с удивлением обнаружила, что горят ее собственные руки. Проявив невиданное для нее присутствие духа и совершив некий акт страхования на будущее, которого она не могла предвидеть, Лидия придерживала руками шелковый подол и топтала изо всех сил обеими ногами ковер, закрывший огонь.

В доме поняли, что в Голубятне творится что-то неладное. Послышались крики:

– Голубятня горит! Воды! Несите туда воду!

Пошатаваясь, Лидди вышла из домика. Из ее глаз лились слезы. Моргая, она смотрела на свои руки, красные, в ожогах, и не ощущала боли. Зиппора и маленькая Нора появились в дверях кухни и бросились к ней. Фаргук Зиппоры трепетал на ветру, когда она вылила таз воды на пламя, выбившееся из-под края ковра. Садовник материализовался из райских кущ сада; он толкал тачку с металлической ванной, наполненной водой; его старческая, кривоногая фигура быстро приближалась к домику.

– Миссис Хорнер! Мадам! – Нора в ужасе показывала на траву за спиной Лидди. Там лежал Нед с белым как мел лицом. Он открыл глаза, и теперь в них появились проблески сознания. Слабой рукой он подозвал жену, а когда она присела возле него, сказал спокойно своим обычным голосом:

– Лидди, я неважно себя чувствую, птичка моя. Я неважно себя чувствую.

Он находился в мастерской весь предыдущий день, потом ушел на долгую прогулку и не возвращался до вечера. Ужинали они вместе с лордом и леди Кут, и он молчал почти все время за ужином и после, отрешенный, погруженный в свои мысли. Ночью он лег к ней в постель. У них была близость впервые за много месяцев, хотя ей показалось, что он с трудом понимал, кто она такая. Утром она вспоминала его страстный визит, его ласки, и у нее болело за него сердце, хотя за эти годы случилось много всего, что разделило их. Она понимала, что после утраты Джона он был в ужасной депрессии.

В отличие от Лидди, он не очень много общался с Джоном, но несчастье, казалось, потрясло его сильнее, чем ее. За эти последние месяцы он пал духом. Сэр Эдвард Хорнер вышел из моды; много лет прошло с тех пор, как Королевская Академия нанимала охрану и ставила кордоны, чтобы сдерживать рвущуюся на его выставки толпу. Он был все еще популярен, но теперь создавал патриотические картины, прославлявшие Империю. Одним словом, это был уже не прежний Нед Хорнер, восхитивший мир искусства почти тридцать лет назад. И эта затея с выкупом картины...

Она знала, что он возненавидел «Сад утрат и надежд». Теперь ее многие критики высмеивали и называли символом поздневикторианской сентиментальности. В «Панче» даже появилась карикатура: «Эдна! Эдна! Отойди от этой картины. Мы разоримся, постоянно отдавая в стирку твои носовые платки! Ты слышишь меня?» Его это терзало. Но не Лидди. Ее уже ничто не могло ранить.

Она положила на колени его голову. Он что-то пробормотал.

– Теперь он ушел, – сказал Нед. – Это было правильно, не так ли?

– Что?

Но его глаза уже снова смотрели в пустоту. «Скажи мне, – шептала она ему на ухо. – Я люблю тебя. Я буду всегда любить тебя. Не оставляй меня тут одну. Скажи мне, почему ты это сделал».

Но она так и не узнала. Нед больше не приходил в сознание. Он угас через неделю, один из миллионов, умерших от инфлюэнции, от испанки, которая свирепствовала в стране, на континенте, в мире. Она унесла больше людей, чем Великая война. В их деревне она убила десять человек, среди них милую Зиппору, фермера Толли, их соседа на ферме Уолбрук, леди Кут и леди Шарлотту Кут. Старый лорд Кут остался один, два его сына погибли на войне. Позже она узнала, что грипп убил и мисс Брайант. Так что Лидди была свободна. Но совсем одна.

На следующий день после смерти мужа Лидди подмела в Голубятне каменный пол. Огонь оставил темное красно-серое пятно на золотистых плитах. Она даже подумала, не сохранить ли на память золу от картины, но вместо этого смела ее в совок и, стоя на ступеньках, ведущих в Заросли, высыпала ее в сад. Зола разлетелась по буйству июньских красок, словно черно-серый снег, а Лидди стояла и смотрела, крутя в руке маленькую бронзовую табличку.

Табличка уцелела каким-то чудом – все, что осталось от самой знаменитой картины минувшей эпохи. В течение года после ее первого триумфа на Летней Выставке она объехала полмира: Париж, Санкт-Петербург, Аделаида, Филадельфия. Миллионы людей стояли в очередях, чтобы увидеть ее, взглянуть на прекрасный английский сад на исходе дня, на двух детей с забавными крылышками, которые сидели на пятнистых каменных ступеньках и глядели через окно дома на мать, что-то пишущую за столом.

Дети давно умерли. Художник умер, картина тоже. Остались только эскиз и сама Лидия – и Соловьиный Дом среди деревьев, в кронах которых пели птицы и ухали совы.

В детстве она всего боялась и мечтала о собственном доме, спрятанном там, где ее никто не найдет. Где она была бы в безопасности. Потом Нед привез ее сюда, и в первые годы все было чудесно. Изумительно. Лето расцвело и померкло в саду, шелковистый свет золотого сентября

сменился туманами и осенней сыростью, потом темной зимой. Лидди не давал покоя вопрос: ты платишь вот так за былое счастье? Пожалуй, да, это плата.

II

1893, июнь

Хэм, Ричмонд

Далбитти – мой любезный друг!

Не желаешь ли ты поехать со мной вместе и взглянуть на Соловыный Дом? Я подыскал для нас идеальное жилище – бывший дом приходского священника, 1800 года постройки, там жила в детстве мать Лидди, проблема вот в чем: теперь дом в плачевном состоянии, ни лестниц, ни шкафов, ни окон, ни дверей, только каркас – но все равно прекрасный, с большими комнатами и полно света; в саду стоит банкетный домик, остатки старинного особняка, построенного во времена Елизаветы для вкушения мороженого и прочих лакомств после прогулки по лужайке (теперь на ее месте заросли кустарника) – такая забавная штукавина, но я приспособил бы его под мастерскую. Ты возьмешься перестроить Соловыный Дом на свой вкус, так, чтобы он стал для нас уютным пристанищем? Поскольку ты понимаешь, что нам нужно место, где я мог бы спокойно работать без помех и городского шума – без болтунов, коммерческих агентов, критиков.

Дом для нашей дочки и других детей в будущем, место с чистым, свежим воздухом, чтобы у нашей малышки Элайзы прошел кашель.

Жилье для моей милой свояченицы – надо позаботиться о Мэри, поскольку ситуация в Париже стала невыносимой, и бедняжка больше не может жить с Пертви – наш старый друг потерян для себя и окружающих, пьянство держит беднягу в крепких тисках, – и Мэри будет жить с нами столько, сколько захочет.

«Построй себе дом в Иерусалиме и живи здесь, и никуда не выходи отсюда».

Мой покойный батюшка, как тебе известно, не был большим приверженцем Священного Писания – но любил цитаты оттуда, как и ты, и эта как раз уместна... поскольку должно появиться место, где моя Лидди сможет быть свободной – ей необходимо бежать из Лондона, бежать от призраков! Они по-прежнему жестоко терзают ее. Чего только не претерпели те трое детей от рук тех, кто должен был заботиться о них! Я каждый день пытаюсь рассеять ужас, который они причинили, хотя постепенно понимаю, что мне никогда не удастся прогнать его до конца. Моя милая птичка. Она любила мать – и ей будет хорошо в этом доме. Наконец-то.

– Дом для нашей семьи, который простоят до тех пор, пока последний соловей не исчезнет из крон деревьев за домом – о, это прекрасное место, невероятно странное, даже мистическое – среди забытых Богом просторов – пока я так и не понял, то ли это Оксфордшир, то ли Глостершир, то ли

Вустершир, то ли еще какое-то другое графство! В воздухе, в деревьях там чудится что-то тайное, магическое – впрочем, я увлекся. Приезжай поскорее, Далбитти, – мы хотим видеть тебя, все мы, – и построй нам дом, хороший дом – чтобы мы открыли новую главу в нашей жизни, прекрасную главу!

*Твой с каштанами и курятиной —
Хорнер*

III

Обнаружен считавшийся утраченным шедевр:

эскиз к всемирно известной картине

выставлен на продажу

Исключительно редкий эскиз к знаменитой картине «Сад утрат и надежд», сожженной ее создателем, эдвардианским художником Эдвардом Хорнером, выставлен сегодня на аукцион. Художник изобразил на нем своих детей, Элайзу и Джона, в саду их... ширского дома. Дети заглядывают в дом, где загадочная женская фигура – общепринято считать, что это Лидия Дайзарт Хорнер, жена художника – сидит за столом и что-то пишет.

От самой картины не осталось больше ничего, кроме нескольких старых фотографий плохого качества. Поэтому «Сад утрат и надежд» обрел почти мифический статус из-за печальной судьбы детей художника и картины. В свое время она стала сенсацией, эта работа, и выдающийся художественный критик Тадеуш Ла Туш называл ее «пожалуй, самым трогательным изображением детства и утраченной невинности, когда-либо запечатленным на холсте». Картина объехала Европу и Америку, и считается, что ее посмотрели около 8 миллионов человек.

Позже она вышла из моды, когда некогда непогрешимый Хорнер с его другими, более шовинистическими работами, такими как «Сиреневые часы» и «Мы построили Ниневию», был отвергнут критиками и публикой. Известно, что Хорнер возненавидел свою самую знаменитую картину и выкупил ее у арт-дилера Галвестона за 5000 гиней, фактически разорившись. Он умер вскоре после этого в первую волну эпидемии испанки.

После того как сгорела картина и умер художник, его репутация немного восстановилась; росла и загадка «Сада утрат и надежд», и с годами картина стала считаться одним из величайших утраченных шедевров. Эскиз к картине написан маслом на коммерчески грунтованном холсте, и под слоем краски видны перо и чернила. Выполнен быстро, изобилует деталями и заметками, которые художник намеревался перенести на картину, и поражает не только мастерством техники и приемами импрессионизма, но и языком классической структуры, за который так ценили Хорнера. В верхнем левом углу эскиза присутствует непонятная искусствоведам деталь – золотая полоса, предположительно падающая звезда, которой нет на фотографиях оригинала картины или эскиза. Эксперты не могут объяснить ее появление, а Ян де Хоэртс, экс-директор британской галереи Тейт, язвительно отозвался о предстоящем аукционе, заявив, что это очевидная подделка. «Хорнер не „делал“ золотых полосок. Это добавил не он. Эскиз скомпрометирован, как и обстоятельства его продажи».

Эскиз размером всего лишь 32 × 25 см продается анонимным коллекционером, который купил его у покойной дочери художника Стеллы Хорнер (родившейся после смерти ее отца).

Сегодня его оценили в Даунис в 400 000–500 000 фунтов. Джульетта Хорнер, правнучка художника и эксперт по викторианской и эдвардианской живописи в Даунис, сказала: «Много лет „Сад утрат и надежд“ был самым знаменитым в мире живописным произведением. Миллионы людей стояли в длинных очередях, чтобы взглянуть на него. Его утрата – трагедия, и мы по сей день не знаем, почему Хорнер сжег свою лучшую работу. Так что находка этого изумительного эскиза оказалась для нас приятным сюрпризом».

«Гардиан», 10 мая 2014 г.

Часть первая

Глава 1

Май

Май был любимым месяцем моей мамы! Потому что, по ее словам, сад еще не достиг своего великолепия, но все это еще впереди. Радость предвкушения, так она это называла. Она и сама была удивительно майская. Она умерла в мае, Джульет, ты знала это? И я велела написать на ее надгробье: «Май – лучший месяц, потому что в мае поют соловьи». Так она всегда мне говорила. Они улетают на зиму в Африку – ты помнишь, как я рассказывала тебе? Однажды, еще до войны, я была в Марокко и видела десятки соловьев, певших на минаретах и плоских крышах. Так странно – в феврале, среди пальм, с мерцавшей вдалеке золотой пустыней. И такие простые, невзрачные птички, но как поют!

Они возвращаются в Англию в мае. Впрочем, поют только самцы. Самка выбирает себе партнера по красоте его пения, знаешь ли ты об этом?

А еще в начале мая надо сажать последние летние луковицы и корни. Сажать георгины, сотни георгинов. Ирисы к этой поре почти взойдут, пожалуйста, подкорми их. Приготовь землю. Удали отмершие растения. С наступлением мая я работаю в саду с раннего утра и дотемна. У меня болит все тело, и я никак не могу избавиться от грязи под ногтями. Но я чувствую себя невысказанно прекрасно, лучше, чем когда-либо.

И вот еще что, Джульет: в этом месяце в лесу у ручья цветут колокольчики. Любишься ими, но если увидишь круг из этих цветов, никогда не заходи в него. Это приносит несчастье. К тебе придет злая фея и проклянет тебя. Вот что, по словам мамы, случилось с одной малышкой.

Запомни: Май – лучший месяц.

Лондон

2014. Май

– Я не хочу мюсли. Я хочу тост.

– Айла, дочка, тостов нет. Поешь мюсли. Ох... блин, почти восемь! Всем надо торопиться.

– Мам, но я ненавижу мюсли. Эти сушеные фрукты! Меня *тошнит*, когда я ем их. Не заставляй меня есть их. Иначе меня *стошнит*.

– О'кей, тогда возьми батончики «Уитабикс». Санди, милый, не надо так делать. Не бросай это на пол. Мэтт, ты можешь остановить его, чтобы он не бросал на... ох.

– Я ненавижу «Уитабикс». От него меня...

– Тогда съешь банан. Би, пожалуйста, ты можешь что-нибудь съесть?

– Знаешь, ма, мисс Робертс говорит, что нельзя начинать день с фруктов, она говорит, что это вредно для желудка.

– Мисс Робертс ошибается. Мэтт! Пожалуйста, не позволяй ему бросать на пол мюсли.

– Господи, Джульет! Я слышу тебя. Не кричи на меня.

Джульет заметила, что ее плечи оказались где-то на уровне подбородка. С тяжелым вздохом она отошла от стола.

– Я не кричу. – Она наступила на маленький игрушечный автобус, но успела поднять ногу, прежде чем он превратился в самокат, ловко сохранила равновесие и ухватилась обеими руками за стул старшей дочери. – Господи! – воскликнула она. – Чуть не упала! Вы видели?!

Никто ей не ответил, только Айла, ее средняя дочка, жалобно посмотрела на нее и протянула пустой пакет ИКЕА.

– Пожалуйста, мама, *пожалуйста, я ненавижу мюсли и я ненавижу «Уитабикс», пожалуйста, не заставляй меня их есть.*

– Ох, дай ей тост, ради бога, – раздраженно сказал Мэтт. Он откинулся на спинку стула и пощелкал радио. – Давайте послушаем какую-нибудь музыку. Я ненавижу по утрам «Радио-4». Правда, дети? Это все равно что пригласить ужасных стариков с гнилым дыханием, чтобы они сидели рядом и орали на тебя, пока ты завтракаешь.

Дети засмеялись, даже Би. Джульет тяжело вздохнула:

– Тостов нет.

Мэтт поднял глаза от своего телефона:

– Почему нет?

– Мы все съели.

– Нам надо приготовить сегодня больше. – Он потряс пустой картонной коробкой. – И апельсиновый сок.

– Я хотю сок, – тихо сказал Санди из своего угла. – Сок, позалуста. Я хотю сок.

Нам надо забронировать летнюю поездку. Нам надо встретиться с Оливией и ее детьми. Нам надо позвонить твоей матери в Рим. Нам не надо спать с другими людьми. Нам надо сделать все эти вещи.

– Ты мог бы зайти в магазин, Мэтт. Между прочим, говорят, что там продают еду.

– Я говорил тебе десять раз, что у меня сегодня важный день на работе. Формирование команды. Благодарю за напоминание.

– Ладно, я зайду в магазин во время ланча, если после аукциона будет время... – Джульетта снова повернулась к приемнику.

– *А теперь послушайте «Размышления о главном» преподобного...*

Мэтт посмотрел на нее, и в его глазах промелькнул гнев.

– Господи, Джульет.

Когда-то она боялась этого взгляда, у нее все сжималось внутри от боли и тревоги, но потом привыкла.

– Хотю сок, – заявил Санди чуть громче прежнего.

– Я просто хочу послушать, может, что-то скажут про аукцион. Генри сказал, что будет в эфире около восьми. – Джульет наклонилась над Санди, кидавшим мюсли в старшую сестру, и остановила его. – Би, дочка, поешь мюсли, ну хоть немного.

Би подняла голову и посмотрела на мать. Под ее темными глазами лежали тени, словно лиловые отпечатки пальца.

– Я не голодна, спасибо, – ответила Би и снова уткнулась в свой телефон; ее тонкие пальчики бегали по дисплею, светившемуся в полумраке кухни.

Джульет ненавидела этот телефон. Она помнила, как эта юная темноглазая персона болтала ногами, барабаня о ножки стула, рассказывала о цыплятах, которые вывелись у них в классе, о занятиях в клубе рукоделия, о новом щенке Молли. «Ах, какое чудесное утро! – пела она за завтраком и ужином. – Ах, какая чудесная мамочка! У меня чудесный папочка! У меня чудесная сестренка! Все хорошо у меня!»

Когда-то у нее одной имелся ключ, отпиривший душу ее старшей дочери, ее сердце, ее уста. А теперь она даже не была уверена, существует ли такой ключ. Ты можешь быть счастлива

настолько, насколько счастлив твой самый несчастный ребенок. Би была несчастна, поэтому была несчастна и Джульет.

– Поешь хоть немножко, миленькая. – Она погладила дочку по блестящим черным волосам и почувствовала, как Би напряглась от ее прикосновения. – Хотя что-нибудь, чтобы желудок не был пустой. Ведь у тебя сегодня физкультура, вспомни об этом и... – Она опустила взгляд: – Господи! Кто этот Фин? Почему он прислал тебе картинку девицы в лифчике?

– Ой, *заткнись*, ма. Оставь меня в покое, черт побери. – Би внезапно вскочила и оттолкнула стул, толкнув Джульет деревянной спинкой. Потом вышла из кухни, искоса взглянув на мать, словно хотела убедиться, что не слишком обидела ее. Этот ее взгляд ранил Джульет сильнее всего.

Айла заглянула в свою тарелку и начала есть мюсли.

– Кое-кто сегодня не в духе, – еле слышно пробормотала она, но продолжала печально поглядывать на дверь, забавно опустив уголки губ. Сидевший рядом с ней Санди ударил кружкой по столу.

– Хотя *сок*.

– Не надо так наезжать на нее, – сказал Мэтт, все еще глядя в свой телефон.

– Но она – там все-таки...

– Подростковые проблемы. Они у нее всегда. – Мэтт пил мелкими глоточками капучино.

– О, – удивилась Джульет, растерявшись еще больше. – Правда?

– Кто-то по имени Фин. Я видел, как она писала.

– Когда?

Он встал.

– Мне пора идти. Кстати, сегодня я поздно вернусь и...

Джульет взяла его за локоть:

– Слушай. Не начинай все снова. Это твоё «формирование команды», о'кей? Я хочу...

– Нет. Тссс, секунду. Вот. Слушай.

– *Сегодня в центре Лондона будет продаваться эскиз*, – сообщил Джон Хамфрис с самой лучшей, добродушной, ироничной интонацией. – *Эскиз размером не больше ноутбука будет выставлен в полдень на аукционе. Ожидается, что он будет стоить четверть миллиона фунтов. Да, вы не ослышались, эскиз.*

– Вот заладил – эскиз да эскиз, – пробормотал Мэтт, и Джульет нервно приложила палец к губам. Она неподвижно стояла, держась рукой за горло, и удивлялась, почему при любых разговорах об этом у нее возникало ощущение, будто она стремительно несется с крутой горы. Как-то глупо.

– *Это, впрочем, не рядовой эскиз; он был сделан для картины, которая когда-то была, пожалуй, самой знаменитой в мире. Сейчас ко мне подошел Генри Кудлип из аукционного дома «Даунис», кто проведет аукцион.*

– Который проведет аукцион, – машинально пробормотала Джульет.

– Это твой босс? Шикарный парень? – спросил Мэтт, мгновенно заинтересовавшись. Он повернул Санди на его стульчике и поцеловал. – Эй, малыш. – Он взъерошил его пышные, золотые волосы. В это время из приемника гремел сквозь потрескивание статических помех зычный голос Генри Кудлипа, словно у радиоволн не хватало сил его сдерживать.

– Сок! – Санди заплакал. – Сок, мама, сок, сок!

– *Никто не знает, почему художник сжег «Сад утрат и надежд». Он был не в себе, вот и все. Он был болен. Странный парень.*

– *Но почему картина была так популярна?*

– *Джон, я не могу вам сказать.*

– Эксперты, – фыркнул Мэтт. – Упаси нас бог от таких экспертов.

Джульет улыбнулась. Она стояла, скрестив руки на груди, возле радио.

– ...несомненно оказалась созвучной настроением британской публики, когда была написана... Ее называли самой трогательной в мире картиной, и это было ее уникальным торговым предложением. Взрослые мужчины стояли перед ней и рыдали. Дети художника, запечатленные в момент невинного созерцания в его саду, словно волшебные эльфы... как вы, вероятно, знаете, они оба...

– Мам, а что случится, если вставить шарик в попку? – заорала Айла, стоя рядом с ней.

– Это замечательно, милая, – шшш, минутку...

– ...умерли через несколько лет, – говорил Генри Кудлип. – Это действительно медитация на тему детства...

– Кто умер? – тут же спросила Айла. – Заткнись, Санди!

– Никто. Это было давным-давно, и ты их не знаешь. Не беспокойся, – машинально пробормотала Джульетт и наклонилась к Санди, который лежал на полу, кричал «СОК» и колотил по полу пластиковой чашкой ИКЕА.

– Почему они умерли?

– Какой ужас. И я полагаю, что все захотят узнать...

– Потому что их тела стали старыми, а вообще, они жили долго и счастливо. Ешь быстрее, милая...

– ...остались ли от оригинала другие эскизы или изображения?

– Увы, нет! – Генри Кудлип сообщил об этом почти с удовольствием. – У нас больше ничего нет, вот почему так важен этот эскиз.

– Сейчас к нам присоединился Сэм Хэмилтон, с прошлой недели новый директор оксфордского Музея Фентиман, где находится наиболее значительная коллекция викторианского и эдвардианского искусства. Сэм Хэмилтон, благодарю вас...

– О, не может быть, – прошипела Джульетт. – Господи. Господи! Проклятье! Сэм Хэмилтон? Классический самодовольный павлин! Черт побери! – Ее пальцы дотронулись до горячего чайника: она выругалась, сунула их в рот и поморщилась, но не отошла от радио.

– Значит, Фентиман намерен делать сегодня ставки?

– Привет, Джон, спасибо, что пригласил меня. Нет – боюсь, что этот эскиз немного выходит за рамки наших финансовых возможностей. Это...

– Почему ты не любишь этого человека?

– Я училась с ним в университете, – ответила Джульетт, забыв про самооценку. – Он из Канады. Господи, тот еще тип. Карьерист и всезнайка. Носил всегда только две футболки – одна с Джастин Фришманн, другая с рок-группой Pulp и носки с сандалиями «Биркеншток». И он бросил мою подругу.

– Ма, я ничего не поняла из твоих слов.

– Ничего, не важно. Просто он всегда был высокомерным и одевался как... впрочем, ладно! Нехорошо быть злопамятной, правда? Я уверена, что теперь он абсолютно приятный...

– Как это – «бросил»? Как сделал Адам с Дарси в «Холлиокс»¹?

– Почему ты смотришь «Холлиокс»?

– Я никогда не слышал, чтобы ты упоминала его, – сказал Мэтт.

– Я не видела его двадцать лет. Он... ну я не удивлена, что он стал директором музея и закорешился с Генри Кудлипом, чтобы сказать пару фраз на «Радио-4». Одним словом, он... – Она тряхнула головой. – Сэм Хэмилтон. Типичный.

– Любой ценитель викторианского искусства хотел бы владеть им. Нед Хорнер сегодня сильно недооценен из-за успеха и последующей гибели «Сада утрат и надежд» и обвинений, которые сыпались на него в последние годы жизни... он очень огорчился из-за них, как и его

---

¹ «Холлиокс» (англ. Hollyoaks) – британская мыльная опера, транслируемая на канале Channel 4 с 23 октября 1995 года. – (Прим. ред.).

вдова Лидди Хорнер, жена художника. Они были замечательной парой, встретились очень молодыми, при чрезвычайных обстоятельствах.

Генри Кудлип перебил его:

– Между прочим, его правнучка работает в...

– Мам! – крикнула Би с верхней площадки лестницы.

– Минутку, еще одну минутку, – ой, Санди, тише, милый.

– Джульет Хорнер, она у нас одна из экспертов по викторианскому искусству.

– У вас работает правнучка художника?

– Да, в данный момент. Мы всегда спрашивали у нее, нет ли у нее на чердаке и других картин, которые мы сможем тут продать, ха-ха-ха.

– Они говорят обо мне! – сказала Джульет, пытаясь изобразить восторг, но Санди играл с половинкой луковицы, почему-то валявшейся на полу, а Мэтт явно не слушал. Только Айла взглянула на нее и с улыбкой сказала:

– Конечно, мамочка!

– Но нет, эскиз стал для нее полной неожиданностью – для всех нас, когда его принес анонимный владелец.

– Потрясающе. Что ж, удачи вам сегодня. Это был Генри Кудлип из аукционного дома «Даунис», где продается этот эскиз... Итак, сейчас без двух минут восемь, вторник, 17 мая, и мы переходим к...

– Что он имел в виду, сказав, что ты работаешь там «в данный момент»? – спросил Мэтт.

– Что? – Джульет уже начала убирать со стола. Коричневые хлопья мюсли уже крепко присохли к мискам.

– Этот парень, твой босс. Похоже, что ты не будешь там работать.

Джульет покачала головой:

– Нет, все нормально. – Но ее сердце громко застучало в груди, и ей показалось, что все слышат этот стук.

– Ты можешь обути Санди и проследить, чтобы Айла почистила зубы? – Она пятилась от тесной кухни к лестнице.

– Мне пора идти, Джульет. Ты сама знаешь.

Ну хоть один раз! Ты можешь хоть сегодня помочь Айле почистить зубы, лентяй!?

Наверху узкой лестницы Джульет снова тяжело вздохнула, испытывая легкое головокружение, и постучала в дверь спальни Беатрис.

– Дочка, ты звала меня? Кажется, пора идти в школу.

Би сидела на полу возле кукольного домика, согнувшись, как запятая, и грызла свой большой палец. Она закуталась в толстое шерстяное одеяло. Когда-то оно накрывало диван в Соловьином Доме, и сама Джульет тоже любила кутаться в него, когда грустила или была уставшей.

– Я не хочу идти туда.

– Я знаю, что не хочешь, но до каникул осталось два дня. Потом мы будем развлекаться.

– Развлекаться? Говно собачье.

– Не ругайся. – Джульет погладила нежный, гладкий лоб дочки, мягкие волосы на висках, но Би тут же отпихнула ее руку. – Би, милая, ты можешь хоть чуточку рассказать мне, что случилось, и тогда я...

– Ничего. Ничего не случилось. – Би выпрямилась и открыла дверь домика, висевшую на огромной петле, которая обхватывала дымовую трубу. Аккуратными пальчиками собрала валявшиеся внутри дома фигурки и аккуратно расставила их в коридоре: двух детей, их гладкие деревянные руки не пострадали за сто лет; девочка была в крошечном платье с оборками и с крылышками из ветхой серебристой ткани, натянутой на поржавевшую проволоку, мальчик

в свободной белой рубашке и зеленовато-синих бархатных штанах до колена, которые увеличивали его крошечную фигурку.

Кукольный домик был когда-то подарен Элен, матери Лидии Хорнер, прабабушки Джульет. Согласно семейной истории, его сделал местный ремесленник для детей викария, когда они поселились в новом доме. Домику было лет сто семьдесят пять, не меньше, и бабушке никогда не приходилось напоминать Джульет об осторожности, когда девочка играла: Джульет и сама понимала. Кажется, в нем были и другие куклы, взрослые. Она смутно их помнила, но они куда-то делись, как и ее любимые плюшевые медведи, шляпки и книжки.

Бабушка хранила кукольный домик в Голубятне, куда редко заглядывала. По ее словам, в детстве она не любила играть в него. Зато Джульет и ее лучший друг Эв возились с домиком часами, перетаскивали его на траву, придумывали разные истории и разыгрывали их с куклами: катастрофы, пожар, банкротство, предательство, любовь – всякую чушь из дешевых книжек, ворчала бабушка, когда убирала домик с поляны, закрывала его дверцу и прогоняла детей из Голубятни, чтобы они вымыли руки и пили чай или по настоянию взрослых занимались чем-нибудь скучным.

Джульет рассеянно погладила чешуйчатый узор крыши. Она залезла на крышу настоящего Соловьиного Дома, когда была жива ее бабушка. Когда это было? Терракотово-коралловая черепица периодически требовала замены, и, когда это случалось, бабушка вызывала из Тьюксбери за большие деньги двух кровельщиков. На первом этапе они несколько дней соорудили леса. Дело было опасное, конструкция получалась пугающе шаткой. Один из кровельщиков, Лоренс, занимался этим с шестнадцати лет; его отец в отрочестве знал мастеров, которые сделали крышу по чертежу, придуманному Далбитти, выложили глазированной черепицу так, что она, казалось, мерцала на солнце. «Получилась не крыша, а панцирь. Он заставлял их делать и переделывать, пока не остался доволен результатом».

Как-то раз кровельщики пришли из паба, куда ходили на ланч, и спросили у Джульет, не хочет ли она залезть с ними на крышу. В те годы она ничего не боялась. Для нее это был лучший в мире дом – конечно же, она захотела побывать на его крыше!

Она помнила до сих пор, как карабкалась по шатким лесам, и у нее было ощущение, что она лезла вверх по гигантскому скелету. Потом стояла на высшей точке крыши, глядя оттуда на дом и сад – на две длинные гряды, которые они называли Зарослями; на самом деле это были хитроумно посаженные цветы, огромное множество цветов. Узенькая дорожка между ними вела к яблоням, айвовым деревьям и шелковицам, а оттуда к маленькой речке, границе их владений. Слева виднелась Голубятня со стеклянной крышей, бывшая мастерская Неда; теперь там стало темнее из-за высокого раскидистого дерева. Ей казалось, что крыша Соловьиного Дома шевелилась и расползлась под ее ногами, будто живое существо, широкая спина саламандры. Справа, далеко внизу, работала на овощных грядках бабушка, ее спина в синем комбинезоне круглилась подобно обручу. Мама и отец сидели с книгами в ржавых полосатых шезлонгах справа от Зарослей. За ее спиной, на деревьях, отделявших дом от церкви, кричал вяхирь. Какое же это было лето? И она вспомнила, хоть прошло так много времени. Это было лето Королевского бракосочетания, 1981 год. Джульет смотрела по телевизору церемонию вместе с Эвом.

А дверь в воспоминания, открывшись, повела ее дальше по тем дорожкам – и Джульет внезапно вздрогнула. Приезд старика, крики... Джульет вспомнила, как показывала ему кукольный домик, там, в Голубятне.

Она не возвращалась мыслями к тем дням много лет. Королевская свадьба, гремевшая из телевизоров и радио. Бабушка в бешенстве прогоняла старика. Орала на маму с папой. Джульет и Эв прятались в саду, словно маленькие птички. На следующий день все переменялось, и она с родителями уехала из Соловьиного Дома, прямо после завтрака. Джульет проплакала всю дорогу. Тогда-то она и подумала в первый раз, что ей нужно жить с бабушкой, а не с роди-

телями. Что ее сердце принадлежит ей, а не им... Джульет помнила, как она дышала на стекло и писала на конденсате «Соловьиный», как рыдала, как ее ляжки липли к пластиковому сиденью тряского «Рено». В прошлом году на уроках религии им рассказывали про Рай. Джульет, грешным делом, всегда представляла себе Рай как сад возле Соловьиного Дома.

Но ее дети никогда его не видели, да и она сама не была там ни разу после бабушкиной смерти... Да, сегодняшний день обещает стать очень странным... Джульет заморгала, обнаружив, что Би все еще методично передвигала фигурки по дому, и, возвращаясь к реальности, дотронулась до ее плеча:

– Это опять Ами? Хочешь, я поговорю с кем-нибудь?

– Нет. Нет, пожалуйста, не надо. Не говори *ничего*. – Би со стуком захлопнула дверцу кукольного домика; послышался стук упавших в нем фигурок. Она прижала пальцы к глазам. – Не надо, ма, пожалуйста, не надо.

– Не буду, доченька, не буду. Но ведь если кто-то делает тебе пакости...

– Она не делает. Вернее, иногда... – Би вздохнула. – Обещай мне.

– Что за парень этот Фин? Папа сказал, что Фин тоже твой друг...

Одно из сообщений от Ами, которые ей удалось на днях прочесть, прежде чем ее застигла за этим Би, было таким:

«Расскажи им про Фин, детка, или я сама это сделаю! Расскажи им, что вы с Фин собирались сделать! Lool* *Громко хохочу»

– Нет. Господи, пожалуйста, ма. Я знаю, ты пытаешься мне помочь, но лучше оставь меня в покое, пожалуйста. *Пожалуйста*. Я сама разберусь. Мне не нужна твоя помощь. – Би встала и вышла из комнаты.

С тяжелой душой Джульет заправила постель дочки и, аккуратно свернув, убрала ее пижаму под подушку. Потом взяла ее любимую игрушку – старого кота Мога с серым свалевшимся мехом, поцеловала, надеясь, что ее любовь магическим образом передастся и дочке, и посадила на середину кровати. *Я так люблю тебя. Только не знаю, как тебе помочь*. Она уже опаздывала, но не могла удержаться, снова открыла домик и поставила фигурки на ноги, прислонив их к полкам. Закрыла дверцу и, опираясь рукой на крепкую трубу, встала и спустилась вниз следом за дочерью.

Мэтт с важным видом сообщил, что может отвезти Санди в детский сад, поскольку это ему по пути. Би настояла, что сама доберется до школы, поэтому Джульет везла в школу только Айлу. Поскольку Айла лишь чуть-чуть испачкала каблук в свежем собачьем кале возле их двери, и поскольку Джульет посчастливилось сунуть руки в карманы еще до того, как услышала знакомый звук краденого мопеда, вслед за которым появлялся юнец с полосой прыщей ровно по линии челюсти и выхватывал из твоих рук телефон, и поскольку они прибыли в школу не последними, как обычно, она расценила это утро как весьма успешное.

– Наверно, сегодня мы будем проходить Египет, – с надеждой сообщила Айла, когда они подходили к классу «Чеддар». – Куда Клеопатра *дела* змею, которая укусила ее маму? Правда, куда она ее *дела*?

– Джульет, этим утром я слышала по радио твое имя! – воскликнула возле двери класса Кэтти, приятная мама из новеньких, которую Джулия мысленно отнесла к племени Приземленных. – Как интересно, значит, это будет сегодня?

– Что будет сегодня? – тут же спросила другая, поспешно пряча выбившуюся прядь волос под шарф. – О, конечно, твой аукцион. Надеюсь, он заработает миллионы. Не забудь, мы с тобой всегда были хорошими друзьями. Всегда. Даже когда ты проходила через фазу комбинезонов.

– Кто заработает миллионы? – спросила Айла, подбегая к Джульет. – А у меня в сумке лежит яблоко?

– Мой аукцион, о котором говорили сегодня утром по радио. Нет, я не получу ничего, Зейна, и ты прекрасно это знаешь, так что мне без разницы, принесет он пятьсот тысяч или пять миллионов.

– Он не потянет на пять миллионов, уверяю тебя, – заявил один из отцов, плотный мужчина в футболке с картой Сити.

– Да, конечно, – согласилась Джульет.

Зейна покачала головой, изображая в шутку возмущение.

– Я все-таки буду неподалеку, если тебе понадобится адвокат, и мы докажем, что ты имеешь право на долю от выручки как единственная наследница. Кто бы там ни был продавцом и покупателем. Справедливость для Джульет!

Другие мамы засмеялись.

Папаша с Сити направился прочь, качая головой, словно все они были толпой глупых женщин, и не важно, что среди них были юрист, эксперт по викторианскому искусству, врач. Его жена, маленькая, темноглазая, по имени Тесс, наклонилась и поцеловала на прощание их дочку, а потом странно взглянула, закатив глаза, на спину уходящего мужа.

Джульет поцеловала Айлу в щечку:

– Пока, доченька.

Айла задержалась в дверях класса и оглянулась. Ее глаза сердито сверкали, щеки пылали.

– Mamochka, ты забыла про мое яблоко, ты не ответила мне, как всегда, ты не обращаешь на меня внимания и слушаешь только Би. Я тоже человек. Пока.

– Ой, доченька, просто Би... – пробормотала Джульет и шагнула к ней, но Андреа, помощница учителя, твердо сказала:

– Спасибо, мамочка! Не беспокойтесь!

– Что за драма сегодня, Джульет? – спросила Тесс своим низким, чистым голосом.

– Ой, ничего особенного, – удрученно ответила Джульет. – По радио сообщили об аукционе и... в общем!.. Просто один из трудных дней.

Хотя, если честно, так бывало каждое утро.

Тесс пригладила волосы.

– Роберт считает, что весь этот аукцион – фуфло. Говорит, что эскиз не подлинный.

Джульет даже не знала, как и реагировать на эти слова – *твой муж по доброй воле носит костюм в полоску шириной в два дюйма, а как-то сказал мне, что братья Кэнди с их выставленным напоказ богатством были приличными людьми, если узнать их получше*, – и вместо этого изобразила на лице выражение, которое приберегала для пенсионеров в красных штанах – они являлись в «Даунис» с мутноватым, темным пейзажем и утверждали, что это точно Констебль, они, мол, провели тщательные исследования. На что она всегда серьезно кивала: «Ммм. Верно. Ммм».

– Все это так романтично, правда? – Кэтти улыбнулась. – Я читала об этом в газете. Ты помнишь ту работу?

– Нет. Он сжег ее...

– Я имею в виду эскиз. Ведь твоя бабушка жила в том доме, правда? Ты помнишь его? А она – одна из тех детей, что изображены на картине? О, это как замок Мэндерли или нечто подобное!

Глаза Кэтти выпучились от восторга, а Джульет подумала, что, может, она ошиблась в своей оценке и ее, пожалуй, стоит перенести из племени Приземленных в племя Скрытых Чудаков, к которому новые члены добавлялись с пугающей частотой.

– Да, я очень хорошо помню тот дом. В моем детстве эскиз висел в ее кабинете. Я не помню, что с ним случилось, маленькие дети не обращают внимания на такие вещи. Вероятно, он был продан после смерти бабушки.

– О! Конечно! Ты будешь что-то делать сегодня на аукционе?

Джульет нахмурилась:

– Мой босс хочет, чтобы я сфотографировалась для прессы рядом с эскизом. Потому что, мол, семейные связи и все такое. Я отказалась.

– Почему, детка? – воскликнула Дана (йогическое племя Безработных-По-Собственному-Выбору). – Ой, как жалко, что ты отказалась.

– Я сама не знаю, – Джульет пожала плечами. В ее голове прозвучал голос Генри Кудлипа.

– *У вас работает правнучка художника?*

– *Да, в данный момент.*

– Я чувствую себя чуточку странно. – Она не сказала, что ее кабинет находился на первом этаже и несколько раз в день она, почти непроизвольно, выползала из него и смотрела на эскиз, висевший в помпезном холле «Даунис», смотрела с такой жадностью, что после этого ее глаза болели, словно от ветра с песком. Пыталась навсегда запомнить детали – золотой дом, выпуклая крыша, на которой когда-то стояли ее ноги, те дети...

Маленькая девочка, Элайза ее звали, с серебристыми крылышками, блестящими на солнце. Казалось, она собиралась повернуться к зрителю, словно знала, что на нее смотрят – но знала ли она, что с ней случится потом? Каким было выражение ее лица на большой картине? И взгляд внутрь дома. Восьмиугольный кабинет, обрамленный книгами, женщина пишет там, в центре дома, ее лица мы не видим, пышные волосы падают на спину – была ли это сама Лидди? Бумага на полу, поваленная свеча – они что-то означали или это просто виноват ветер, ворвавшийся в открытые французские окна? И золотая молния в небе, словно падающая звезда, рассыпавшая искры на землю возле дома, – ее нет ни на одной фотографии большой картины. Почему художник не нарисовал ее там? Или это была комета, принесшая несчастье? Или просто случайность, пролитая на эскиз краска, и художник ловко обыграл эту оплошность – Джульет знала, что он делал так и раньше, в картине «Первый год», когда Элайза, тогда только что научившаяся ползать, дотронулась ладошкой, испачканной в желтом хrome, до угла почти готового полотна. *«Картина стала еще лучше благодаря ей. Думаю, она станет художницей»*, – писал он Далбитти.

– Кто там живет теперь? – спросила Джема (адвокат/племя Бегунов). Джульет заморгала. Все мамы устремили на нее взоры.

– О, какая-то немолодая пара купила его после смерти бабушки. Я не была там много лет. Четырнадцать лет. Би тогда была совсем крошечной. Джульет потеряла глаза, окинула взглядом круг любопытных мам и взглянула на часы:

– Так. Пожалуй, мне пора.

Она, Зейна, Кэтти и еще несколько женщин пробормотали «пока» и поулыбались. Зейна похлопала Джульет по руке и странно посмотрела на нее:

– Слушай, милая. Я надеюсь, что у тебя все пройдет хорошо. Позвони мне после этого, о'кей?

Джульет посмотрела вслед подруге – та торопливо уходила, знакомым резким движением закинув на плечо кожаную сумку-портфель. Потом повернулась и пошла по загазованной дороге, где на повороте возле Хита запах свежескошенной весенней травы смешивался с вечной вонью от сточных труб.

Когда она направлялась к метро, ее мозг устало перебирал утренние события – Генри по радио и тот факт, что сегодня был последний день, когда она могла, когда хотела, выскочить в холл и посмотреть на маленький эскиз, лицо Би после вопроса, обижает ли ее Ами, воспоминание о подъеме на крышу Соловьиного Дома, о Королевском бракосочетании, печаль-

ную улыбку Айлы и прохладную, твердую ручонку в ее ладони, отвратительное пренебрежение к ней Мэтта, сочившееся из него, словно запах фекалий или сточной трубы, ни больше ни меньше, и, наконец, ровное тепло дружбы Зейны – иногда Джульет хотелось просто положить голову на плечо подруги и выплакаться всласть. Но она никогда не сделает этого, не сможет. Смешно даже думать об этом. Как любила говорить бабушка, ты просто продолжай идти дальше.

Глава 2

Джульет всегда любила аукционы. У ее бабушки была слабость к необычным вещам и брик-а-браку, и однажды она заставила девятилетнюю Джульет тащить в Соловьиный Дом большую стеклянную вазу с лежавшими в ней двумя плюшевыми хорьками, а сама оставила своего лучшего друга Фредерика мучиться на безжалостной жаре с тяжелой каракулевой шубой, якобы принадлежавшей офицеру русской императорской армии. В шубе были блохи, и после этого Фредерик (и сам любитель и знаток антиквариата) отказался ходить с ней на другие распродажи.

Открыв дверь в аукционный зал, Джульет сразу увидела Генри Кудлипа, говорившего с Эммой, его испуганной помощницей; та прыгала с ноги на ногу, словно газель, которой надо срочно пописать. Вокруг них роились такие же гламурные девочки, двигали стулья, уверенными движениями ставили стаканы и бутылки с водой на стенд возле трибуны, раскладывали аукционные листы и каталоги. У дальней стены зала стояли стулья, лежали телефоны и наушники для тех, кто будет принимать ставки дистанционно от суперважных заокеанских покупателей, потому что в наши дни именно там скрываются большие деньги.

Позади аукционной трибуны был установлен большой экран, через проектор проецировалось сообщение:

Даунис

17 мая 2014 г.

ПРОДАЖА ВИКТОРИАНСКОГО, ПРЕРЕФАЭЛИТИЧЕСКОГО & ЭДВАРДИАНСКОГО ИСКУССТВА

Это было напрасной попыткой сделать вид, будто и другие картины, развешанные гламурными сотрудниками на передвижных экранах, хоть чего-то стоили. Все понимали, что в этот день продавалась лишь одна картина, вернее, эскиз. Он был там, в передней части большого зала, купался в лучах чистого весеннего света, лившегося из высокого купола, такой крошечный, так оскорбленный массивной золоченой рамой с завитушками. Эскиз к картине «Сад утрат и надежд». Новая обстановка придавала ему, как показалось Джульет, новую энергию. Уверенные и точные мазки, напряженность, переданная через маленькие детские фигуры. Эскиз был написан разными кистями – жесткой свиной щетиной намечен лишайник на стене, мягким сободем написано небо, мелкие детали нацарапаны ногтем, который Нед всегда оставлял длинным для таких целей, тонкость различных лессировок добавляла глубину ступенькам и самому дому с гостиной, где что-то писала сидевшая за столом женщина. Сейчас золотая звезда, плавной дугой падавшая с неба, нежно мерцала. Ах, какой же большой была картина, если даже этот эскиз был так близок к совершенству!

Я буду скучать по тебе, маленький. Жалко, что ты не мой. Джульет нахмурилась. Она рекомендовала выставить эскиз на аукцион без этой помпезной рамы, которую сняли с другой картины такого же размера, – еще одна довольно отчаянная попытка Генри Кудлипа и «Даунис» повысить интерес и рыночную стоимость эскиза – трепетной, технически совершенной работы, но все равно эскиза – за счет рамы, словно она была всегда вместе с ним.

Внезапно Джульет подумала, что ей надо было бы накануне привести в аукционный дом детей, чтобы они посмотрели на эскиз. Как же ей не пришло в голову? Ведь это их история, а Нед Хорнер их прапрадед, и кто знает, где окажется эта работа после сегодняшнего дня. В кабинете американского миллиардера, коллекционирующего изображения детей на викторианских и эдвардианских картинах? В новом Лувре в Эр-Рияде, доступном только для богачей в одежде от-кутюр? Или в банковском хранилище в Швейцарии? Для историков и коллекционеров викторианского и эдвардианского искусства Нед Хорнер, как она знала, был спорной фигурой; одни любили его смелый, энергичный, реалистический ранний период, кто-то – его поздние работы с их бурным патриотизмом, с сентиментальными солдатами, но миф «Сада утрат и надежд», пожалуй, объединил тех и других.

Оглядевшись по сторонам, она поняла, что этот аукцион стал громким событием: у стены стояли телекамеры, толпились журналисты, взволнованные топ-менеджеры «Даунис» столпились в дверях зала заседаний и глядели на разворачивавшуюся сцену и, конечно, на хлопочущих молодых женщин. Она была когда-то одной из них – не такой гламурной, но в такие дни, как этот, всегда в центре событий; тогда она была стройной, носила красивые платья и замшевые босоножки, и у нее было время каждый день красиво укладывать волосы. Теперь же ее длинные «тициановские» волосы были наспех собраны в пучок, из которого постоянно выбивались пряди, отросшая челка щекотала ресницы; длинную расклешенную юбку с узором из павлиньих перьев она нашла в секонд-хенде и решила объявить ее винтажной находкой – к насмешливому удивлению Зейны («она ведь из лавки Сью Райдер, которая там, у метро», с удовольствием сообщала она всем каждый раз, когда Джульет таинственно отвечала. «Эта? О, винтаж...»: Сейчас ее мало заботила собственная внешность. Ей лишь хотелось, чтобы не было так очевидно, что она плохо подходит к интерьерам «Даунис».

Генри Кудлипп поправлял манжеты и приглаживал волосы. Тяжелый твидовый пиджак, который он всегда носил, был слишком жарким для этого майского дня, бархатный воротник намок по краям от пота. Джульет слышала, как он отдавал распоряжения своим громким, трескучим голосом. «Ох, какой же ты идиот», – часто думала она со злостью. Словно почувствовав на себе ее взгляд, Генри резко повернул голову и подозвал Джульет.

– Ну это твой последний шанс, Джульет, – сообщил он, весело потирая руки. – Ты точно решила?

Джульет холодно кивнула ему и вдруг спохватилась, что утром ей было некогда почистить зубы. Она заколебалась и украдкой провела языком по зубам, надеясь, что сделала это незаметно.

– Извини. Я с радостью расскажу о картине, но не хочу стоять рядом с ней и позировать для фото.

Генри продолжал тереть ладони и нацелил на нее пальцы, словно изображал акулу.

– Лорд Дауни просил передать тебе, как много это будет значить для компании, если ты сфотографируешься рядом с картиной.

– Я эксперт, Генри. – Она чувствовала, как в ней пробуждался и закипал гнев. – Ты это знаешь. Мне надо было бы вести этот аукцион, говорить о картинах. Не потому, что я правнучка Неда Хорнера, а потому, что это моя работа. Клиенты знают меня, а я знаю свою работу...

– Джульет, нам требуется лишь твое приятное фото рядом с картиной, – сказал он, оскалив зубы в широкой улыбке, и она знала, что он в ярости. Его круглые, бледно-голубые глаза впелись в нее. – Ты должна понимать, что это добавит нотку личного интереса к истории картины. – Тут он дотронулся до ее волос. – Вот так. – Он вытащил розовато-золотистую прядь, уже немного выбившуюся из пучка, и она упала ей на плечо. Казалось, никто вокруг не заметил такой вольности. – Вот так. Давай же, Джульет...

Хотя такое случилось не в первый раз, Джульет была ужасно поражена и не знала, что и сказать – как о его поступке, так и о самом физическом контакте. До нее никто не дотрагивался, кроме Айлы и Санди, если они падали или если она желала им доброй ночи. Она воскликнула «О!», шагнула назад и наткнулась на пюпитр, приготовленный к аукциону и стоявший рядом с картиной. Он закачался и, словно в замедленной съемке, упал на серую бязь стенда, на котором стояла картина, резко ударив по золоченой раме.

Генри с воплем метнулся вперед, когда край пюпитра отколол деревянную завитушку, и успел оттолкнуть его в сторону, прежде чем острый угол вонзился в полотно с благоговейно застывшими детскими фигурками. Картина слетела с крючка и с громким стуком упала на пол.

Немолодая элегантная леди, стоявшая в дверях, в ужасе повернула к ним лицо. Джульет подняла эскиз, счастливая, что прикоснулась к нему. Генри наклонился над рамой, злобно чертыхаясь вполголоса – краснолицый, с безумными глазами, дурацкий.

– Черт возьми... Какого хрена, что ты наделала, проклятая дура... Ох, дьявол...

Покрывавший его налет дружелюбия исчез, обнажив его натуру. Джульет подняла пюпитр и поставила на безопасном расстоянии от картины. Потом огляделась по сторонам – какая-то журналистка и мужчина с короткими седыми волосами из третьего ряда обратили внимание на случившееся, но журналистку тут же отвлек телефонный звонок, и она, кажется, даже не поняла, в чем дело. Зато мужчина со слабой, довольно странной улыбкой взглянул на Джульет, потом на картину. Джульет посмотрела в его зеленые глаза и, последовав за их взглядом, на маленький шедевр, который держала в руках.

– Это ты виновата. – Генри поднял золоченый кусочек рамы.

– Я... – начала было Джульет, но замолкла и не стала извиняться. – Нет, Генри, я не виновата, – заявила она, к собственному удивлению. – Ты дотронулся до меня. Не надо было этого делать.

– Что ты несешь? Какого хрена? – злобно захохотал Генри. В это время возле них возникла маленькая фигурка леди Дауни.

– Господи! Шо тут происходит? – ужаснулась она.

– Ничего, леди Дауни...

– Не мели глупостей, – буркнула она, сжимая и разжимая руки; старинные гранаты и аметисты посверкивали на ее костлявых пальцах. – Боже МОЙ, Хенри, ты испортил картину?

– Нет, нет... – Генри пригладил волосы. – Нет, с ней все нормально – абсолютно нормально, дорогая леди Дауни...

– «Дорогая»! Не подлизывайся, негодник. Расколошматил раму. Что ты могёшь сказать в свое оправдание, Хен?

– Я... я... – залепетал Генри и повесил голову.

– Рама все равно была чужая, – спокойным тоном сообщила Джульет. Леди Дауни медленно повернула к ней голову и смерила ее взглядом. – Мне она не нравится. Она не подходит для этой картины.

– Кто вы такая?

– Я Джульет Хорнер. Специалист по викторианскому и эдвардианскому искусству, леди Дауни.

– В таком случае, – сказала леди Дауни, – интересуюсь спросить, почему картину выставили в этой раме?

– Ну, – ответила Джульет, – некоторые сотрудники решили, что эскизу требуется для внушительности традиционная дубовая рама с золотыми листочками. Но я была против. Раму взяли из галереи Голдсмита, где в ней висел небольшой римский пейзаж Фредерика Фортта. Эскиз к «Саду утрат и надежд» никогда не знал рамы. Он был написан на подрамнике. Если снять подрамник, можно увидеть мазки, которые делал художник, пробуя разные цвета. – Она протянула руку к картине и очень осторожно показала сгибом указательного пальца на ее

край: – Вот эти заросли кустов, анютины глазки на ступеньках – художник пробовал краски в этом углу, где холст завернут. Это ценный источник для понимания большой картины. На мой взгляд, эскиз нужно выставить без рамы, таким, как он всегда и висел. Я бы сделала так, если бы это зависело от меня.

– Если бы это зависело от тебя, – ядовито возразил Генри, – если бы не было защитившей картину рамы, то, скорее всего, она была бы безвозвратно испорчена.

– Ты сам прекрасно знаешь, Генри, что я не виновата, – вполголоса заявила Джульет и в упор взглянула на него. Внезапно ей стало наплевать на все.

Она боялась Генри все три года, когда он пришел к ним и как-то раз заявил ей, что ненавидит работающих мамаш. «Конечно, я шучу, милая моя, но они никогда не думают о работе». Она боялась его, когда сообщила о своей беременности и попросила разрешения работать четыре дня в неделю и уходить в четыре часа, а он ответил, что он позволил бы ей работать и три дня, но все же придется работать четыре. И она боялась его, когда шесть месяцев назад он поцеловал ее на рождественском корпоративе «в честь праздника»: засунул ей в рот толстый мокрый язык и сказал, что ей надо подтянуть фигуру и что у нее была фантастическая грудь, когда она вышла на работу после родов, но в остальном она сейчас «некондиционный товар». Она боялась его, потому что он иногда поглядывал на нее – особенно на ее волосы – и облизывал толстым языком свои жирные губы. Он обращался с ней как с раненым зверьком – трепетным, бледным, усталым, неуверенным в себе, он, сильный и ловкий самец, преследовал ее, загоняя в ловушку. Хотя она знала гораздо больше его, была квалифицированнее и гораздо опытнее, а он оказался тут лишь потому, что был крестником леди Дауни и учился в нужной школе.

Передумала бы Джульет рожать детей, если б знала, какова жизнь работающей мамы, ведь она и ее подруги медленно тонули в носочках и резиновых игрушках для ванночки, покрытых черной коркой, от неотвеченных приглашений в гости и пластмассовых игрушек «Свинки Пеппы»? Нет, конечно, потому что жизнь без детей была для нее невыносимой, а сам факт их существования снимал все вопросы. До рождения детей она бы не поняла тот новый, ужасный сексизм, охватывающий тебя, когда ты становишься матерью; он затянул ее в пучину, из которой она не могла выбраться. Но она точно знала одну вещь вот уже четырнадцать лет: она от всего устала. Устала быть виноватой, устала растить девочек, устала от болтовни по телефону, от подруг, от итальянской бабушки детей, покупающей для Санди футболки с надписью *Uomo di Casa*². Устала от разбитой посуды, пролитого сока и бесконечного, непрестанного страха. Перед мужчинами, которые орут на тебя, когда твоя коляска с младенцем загораживает им дорогу, перед косыми взглядами женщин, когда твой ребенок орет благим матом перед кассой в супермаркете. Однажды она пыталась поговорить об этом с матерью, но Элви Хорнер буквально выскочила из комнаты, как всегда делали родители, когда возникали неприятные эмоции. И хотя любая газета или сайт убеждали в обратном, Джульет точно знала: это совсем не было связано с тем, как сильно она любила своих детей, зато всецело связано с материнством.

Джульет со всей силы прижала палец к переносице, когда леди Дауни обратилась к Генри Кудлипу:

– Шо, права она насчет рамы? Так ли это важно? Она ведь эксперт, да?

– Да, – ответил Генри после некоторой паузы и перевел взгляд на золоченую деревяшку в своей руке. – Мы можем снять раму.

– Я бы так и сделала, – сказала леди Дауни. – А тебе придется как-то объяснить это залу, но, как говорится, это твоя проблема, не моя. – Она повернулась на высоких коричневых каблуках и ушла.

– Вообще-то... пора начинать, – с тревогой сообщила Эмма. – Я открою главные двери?

---

² «Мужчина в доме» (итал.).

Генри Кудлип покрутил на пальце кольцо с печаткой.

– Подожди пять минут. Вот. Возьми это, – он вырвал картину из рук Джульет. – Грэм может убрать раму. Быстро. Быстро! – рявкнул он. Выпучив глаза, Эмма схватила маленький эскиз и засеменила прочь, так, словно она бежала на автобус с Ковчегом Завета. – Так. Джульет, – сказал Генри, – я хочу поговорить с тобой позже. У меня в кабинете. Спасибо. – И он повернулся к ней спиной.

Джульет поняла, что не в силах остаться и смотреть, как будут продавать картину. Она бросила на нее прощальный взгляд, когда ту выносили из зала.

– Прощай, – еле слышно прошептала она и в последний раз посмотрела на фигурку во французском окне, на ее прямую спину и нежный профиль.

Так что вместо этого Джульет смотрела аукцион в своем офисе по внутренней трансляции и видела, как маленький эскиз ушел за 1,25 миллиона фунтов неизвестному покупателю после нескольких минут лихорадочного поединка. Глаза Генри буквально вылезли на лоб, когда он пытался уследить за всем. Из предварительного брифинга Джульет знала, что покупателем, скорее всего, станет Джулиус Айронс, австралийский нефтяной миллиардер, коллекционер предметов искусства конца девятнадцатого века – она и до этого продавала ему картины. Он был закрытым и сухим, как кость, и, не проявляя ни малейшей страсти к работам Милле, или Лейтона, или Альма-Тадема, хватал все, что всплывало на рынке. Этот эскиз был ценным приобретением, хотя не самое дорогое произведение подобного рода, какое можно было купить. Повесит ли он его в своем кабинете над камином, чтобы любоваться на него холодными зимними вечерами, или передаст в «Тейт», где он займет место рядом с «Офелией» и «Апрельской любовью» и другими шедеврами того времени? Она сомневалась. Эскиз пойдет в подвал хранилища. Если бы это была законченная картина, ее бы не позволили вывезти из страны: тут сыграл бы свою роль экспортный запрет. Но это был эскиз. Просто маленький эскиз.

Джульет грызла карандаш и в миллионный раз гадала, кто же ее продавец. Мелкий дилер из маленького городка принес ее в галерею, действуя по поручению «анонимного клиента». Клиент фанатично избегал идентификации, и Джульет знала, что это значит. Конечно, картина была кошерной – ее подлинность подтвердили три независимых эксперта, не считая Джульет, – там наличествовали характеристики позднего периода творчества Хорнера. Живой белый фон, который он использовал для особой яркости даже на эскизах, свобода форм, поразительно уверенная кисть, гениальная композиция, которая показывала так много и все же оставляла у тебя вопросы. И фигуры – никто со времен Хогарта не мог так точно передать характер и настроение, даже тут – сразу было видно, что маленькая девочка командовала, а ее брат был послушным помощником.

Где был эскиз все эти годы после смерти бабушки? Отец получил от нее в наследство две картины, Джульет знала об этом; он и мама уехали во Францию на вырученные деньги. Но эскиза там не было. Когда умерла бабушка, отец приехал из Франции и вместе с бабушкиным другом Фредериком очистил дом. Сейчас Джульет пожалела, что не знает подробностей, но тогда она только что вернулась на работу, Би болела – вирусная инфекция и острый ларингит, ничего такого уж серьезного, но все-таки было страшно, ездили ночью с дочкой в больницу и все такое. Когда она вынырнула на поверхность, прошло два месяца, отец вернулся во Францию, в доме уже поселились другие люди.

Джульет достался кукольный домик. На большее она и не рассчитывала, потому что поссорилась с бабушкой за год до ее смерти и ушла, заявив, что никогда к ней не вернется, а потом отчаянно рыдала на лужайке возле дома, уткнувшись в плечо Мэтта.

Она помнила, как рассыльный, работавший на Фредерика, приехал холодным осенним вечером к ней в дом на Далси-стрит. Он помог Джульет осторожно поставить домик в детской у малышки Би, когда та спала. Водитель ворковал над ней, но она не проснулась.

– Хороший будет для нее подарок, когда она проснется, – сказал он и ушел, хотя она уговаривала его выпить чашку чая. – Нет, я должен вернуться сегодня в Годстоу. Мистер Фредерик хотел, чтобы я рано утром был у него. – Мысль о том, что он поедет назад по М40 и увидит Соловьиный Дом, наполнила ее такой отчаянной ревностью, что она даже удивилась. – Он просил передать вам, моя дорогая, чтобы вы не терялись и поддерживали с ним связь. Просил навещать его.

Но она, конечно, этого не сделала. Жизнь шла своим чередом, и что теперь могло позвать ее туда? Она сравнивала свою жизнь с разбежавшимися кругами на воде пруда – в центре ее главная задача: каждый день кормить, одевать троих детей, присматривать за ними. Фредерик находился где-то далеко на внешнем крае, где вода почти спокойная. Когда-нибудь она, конечно, съездит к нему на ланч, может, вместе с Мэттом, через пару месяцев, в годовщину их свадьбы. Если она соберется. Когда-нибудь...

Внезапно открылась дверь, и Джульет вздрогнула. Взглянула на экран и обнаружила, что он пустой, потом на дверь и увидела Генри Кудлипа. Он потирал ладони и опять нацелил на нее пальцы, похожие на акулу.

– Так, Джульет. – Он лягнул дверь, захлопнув ее, прислонился к ней спиной, потом резко оттолкнулся. Она вскочила на ноги и тут же отругала себя за это. Надо было остаться сидеть, скрестив руки, с усмешкой, пока он ходил между дверью и книжным шкафом, потирая руки. Надо было ткнуть пальцем в пятна от пота, расплзавшиеся на груди его розовой рубашки. Надо было...

– Слушай, мне надо поговорить с тобой.

– Верно.

– Боюсь, что это серьезно. Я разговаривал с лордом и леди Дауни насчет утреннего недо-разумения.

У Джульет исчезла вся бравада, словно выпустили воздух из воздушного шарика. Теперь она не могла встретить его взгляд.

– В отделе будет реорганизация. Я полагаю, что это не является для тебя особым сюрпризом, но, к сожалению, мы с тобой должны поговорить о твоём будущем, моя дорогая. Лучше ты сядь.

– Да, – пробормотала Джульет и рухнула на стул. – Да-да, конечно.

Глава 3

Джульет пошевелила ногой сухие листья на церковных ступеньках. Откуда мертвая листва в мае? Она ускорила шаг, хотя туфли натирали ей пятки. У нее пересохло в горле. Ей хотелось поскорее оказаться дома, забиться в свою нору. Нечистые зубы казались мохнатыми. Она почистит их первым делом, как только придет домой, так почистит, что кровь пойдет из десен.

– Наши дороги разошлись, – так назвал это Генри, словно это было их обоюдным решением. – Нам уже не интересно друг с другом, не так ли? Весьма печальный факт.

– Ты не слишком опечален, – сердито огрызнулась она. – Ты облапошиваешь меня, чтобы провести это через кадры? Ты сказал, что реструктурируешь отдел и моя должность становится лишней, и тут же предлагаешь мне работу с гораздо меньшей ставкой и понижением, поэтому я не могу ее принять...

– А ведь могла бы, моя дорогая, мне хотелось бы этого. – Генри разглядывал свои ногти. – Я несколько недель работал с менеджерами по персоналу, пытаюсь разработать для тебя восхитительную программу...

– Генри, ты прекрасно знаешь, что она не восхитительная. Она оскорбительная. Ты хочешь, чтобы я согласилась на меньшее жалованье и сокращенный рабочий день, а сам передашь все, что было эффективным в моей работе, кому-то другому. Это чушь собачья. – Она смеялась над Джеммой, мамашей из школы, когда та долго негодовала, после того как в прошлом году с ней произошло то же самое. Даже спрашивала, не заболела ли та паранойей.

Джульет вспомнила это, проходя по пустому парку, и ее щеки запылали от стыда.

– Итак, ты отказываешься от этого предложения? – спросил Генри бесстрастным голосом, и его жирные щеки дрогнули от непонятных эмоций.

Джульет захохотала и всплеснула руками от возмущения; в ней снова бурлил гнев.

– Я не сказала этого. Я лишь сказала, что это не честно. Если бы я не пришла к тебе на выручку, когда речь шла о той чертовой раме, проблемы с работой появились бы сейчас у тебя.

– В том-то и дело, милая моя. – Генри прислонился к стене. – По-моему, ты забыла, что твоя работа – оценка и продажа викторианского и эдвардианского искусства. Ты должна была делать это, а не комментировать выбор рам или выбор покупателей.

– А что там с «Садом утрат и надежд»? – внезапно спросила Джульет. – Айронс купил эскиз, да? – Генри лишь прищурил глаз. – Он просто спрячет его в банковском хранилище в Женеве и будет ждать, когда на него вырастет цена. Неужели это не беспокоит тебя, Генри? Что эскиз к одному из величайших и утраченных шедевров британского искусства будет до скончания времен собирать метафорическую пыль в каком-нибудь бронированном подвале?

– Это. Их. Деньги, – Генри с улыбкой покачал головой. – Ты каждый день опаздываешь, ты абсолютно неорганизованная, ты неуклюжая и опрокидываешь предметы, а еще постоянно споришь со мной. И я бы не возражал против этого, если бы ты знала свою работу. Но клиенты не любят, когда им говорят, что они недостойны владеть какой-то картиной. – Джульет стала что-то возражать, но он поднял руку, словно вел аукцион: – Ты знаешь, о чем я говорю.

– Я сказала это только тому типу, который хотел повесить Лейтона в своей ванной комнате, потому что влажность испортила бы картину, – сказала Джульет и стиснула челюсть.

– Та картина стоила пятнадцать миллионов фунтов. Шейх Маджид аль-Касими был готов заплатить и двадцать, – сказал Генри. – Знаешь, какая это комиссия? Да пусть он хоть задницы своим скакунам подтирает этим Лейтоном...

– Это произведение искусства! – воскликнула Джульет. – Неужели тебя это не заботит?

– Меня заботит мое жалованье. – Генри Кудлип засмеялся. – Если он покупает картину, она становится его собственностью, и его дело, как он ею распорядится. В тот день ты стояла

нам слишком дорого. И во многие другие дни тоже... Смотри, милая моя. Может, тебе имеет смысл пересесть в другую лодку? Пойти работать в музей, например. Вот галерея Уолкера набирает сотрудников, ты слышала?

– Генри, это работа популяризатора искусства. Там набирают группы шестнадцатилетних подростков, человек по тридцать, они тихо сидят, а ты рассказываешь им о какой-то картине.

– Ох, если тебе это не нравится, что ты скажешь насчет музея Фентиман? Я часто слышу, как Сэма Хэмилтона называют молодым Тёрком. У него свой, свежий взгляд на искусство. Может, такой молодой и динамичный...

Джульет не выдержала, ей надоело слушать этот треп.

– Сэм Хэмилтон мой ровесник. Мы учились вместе в колледже.

– О, неужели? – удивился Генри. – В общем, подумай насчет моего предложения, дорогая, подумай хорошенько.

– Мой адвокат свяжется с тобой, когда я ознакомлюсь с условиями, – сказала Джульет и в который раз мысленно поблагодарила того, кого надо благодарить, за то, что много лет назад Зейна получила специальность – трудовое законодательство. Она помогала Джульет и раньше, когда в «Даунис» пытались перевести ее пенсионные отчисления с текущей зарплаты на меньшую из-за двух отпусков по рождению ребенка, мотивируя это тем, что она долго не была на работе и ее трудовой стаж не может считаться непрерывным. Зейна тогда добилась справедливости.

Но теперь Джульет сомневалась, что даже Зейна сможет что-то сделать. С «Даунис» им не справиться. Богачи будут по-прежнему покупать у них произведения искусства, а Джульет ничего не остается, как принять смехотворное выходное пособие, предложенное ими, и выметаться. Конечно, она не сказала это Генри. Просто улыбнулась ему и вышла из офиса, громко хлопнув дверью, потом выскочила из здания и сбежала по ступенькам на майское солнце.

Бесцельно проблуждав целый час, оглушенная гулом автомобилей, Джульет подошла к церкви Мэрилебон. Остановилась и посмотрела на огромный классической портик. Тут венчались Нед и Лидди. У нее висел в рамке над кроватью рисунок церкви, сделанный Недом Хорнером.

Как забавно, что она очутилась возле нее именно сегодня. Раньше она никогда не ходила домой пешком. Среди дня у нее никогда не было времени. Время ланча она тратила на учителей и воспитателей, на вызов сантехника, на покупку подарков ко дню рождения или колготок, на заказы в онлайн-супермаркете «Окадо». Она смотрела на слонявшуюся в Риджент-парке молодежь, на загоравшие на солнце парочки: когда-то она тоже была такой, как они, правда? Как-то раз, когда Айле было три года, а Санди несколько месяцев, она увидела себя в магазинной витрине и сначала не узнала. Потом с ужасом поглядела на свое отражение, какая она на самом деле: раздраженная, потная, толстая, неуклюжая, постоянно увешанная сумками, пакетами...

Благоухание майских цветов наполняло воздух. Джульет замедлила шаг. Она старалась не думать слишком много: это как с больным зубом – если нажмешь на него, тебя пронзит боль. Она убеждала себя, что все к лучшему, хотя под ложечкой закручивался страх, почти до тошноты. Она уже давно была несчастна на работе. Возможно, несколько лет, но ей никогда даже не приходило в голову уйти с нее: у нее не было такой роскоши, как выбор. Три года назад, когда она была беременна Санди, Мэтт открыл собственный бизнес – консультации по маркетингу. Когда-нибудь он раскрутится, но пока объем заказов был невелик и все висело на волоске. Он работал гораздо больше, чем она, на ней лежала забота о детях, но основным добытчиком все равно оставалась она.

Надо настроиться на позитив. Джульет повернула лицо к солнцу и закрыла глаза. Она откроет собственное дело, станет независимым оценщиком или экспертом, будет консультан-

том для Музея Виктории и Альберта или для галереи «Тейт»... Ее подруга Дарил делала это для Лондонского колледжа моды и в куче других мест, и она тоже найдет... *что-нибудь*.

Но никто не готов платить фрилансеру. Смогу ли я убедить всех, что я чего-то стою? Как я объясню, почему меня сократили? Со стыдом и печалью она подумала о детях. Как она гордилась всегда своей работой. И что она скажет Мэтту: Джульет даже слегка споткнулась. Он так разозлится... тут она остановилась. Нет, не разозлится – будет доволен. И она неожиданно села на скамью у входа в Театр под Открытым Небом. По ее лицу полились слезы, потому что она на самом деле знала причину. Их отношения делались все более токсичными, и Джульет знала, что он будет рад ее неудаче. Ее муж.

Как глупо плакать. Джульет прижала ладони к глазам. Ее бабушка твердо верила в правило «шаг за шагом»... Когда Джульет боялась чего-то или тревожилась, бабушка всегда говорила: продолжай идти вперед. Просто продолжай ставить одну ногу перед другой. Но Джульет обнаружила, что не может сейчас это делать: слезы текли по ее щекам. *Ох, перестань, пожалуйста*, уговаривала она себя. Но это было бесполезно, все равно что уговаривать малыша в разгар истерики. К своему ужасу, она обнаружила, что не может остановиться. Впервые за много лет, даже десятков лет она вообще не могла себя контролировать.

Наконец она выплакалась и больше не могла; к тому же она привлекала к себе удивленные взгляды. Один пожилой мужчина даже подошел к ней и спросил, все ли в порядке. Через несколько минут Джульет встала, чувствуя себя выжатой насухо и одновременно отсыревшей и опухшей, как всегда бывает после долгих рыданий. И вдруг поняла, что, вообще-то, немного повеселела. Ей выплатят жалованье за шесть месяцев. Солнышко светит. Завтра ей не надо идти на работу. Дети нуждаются в ней, и она будет жить ради них. Они вместе испекут капкейки. Она наладит отношения с Би. Она постарается, чтобы у Айлы в сумке всегда лежало яблоко.

Она вышла из парка через Камден-Маркет и ровным шагом направилась по Кентиш-Таун-роуд, наблюдая, как удлиняются к вечеру тени.

Она почти дома. Забавно, но ей никогда не хотелось жить в этой части мира – она выросла в Северном Лондоне и хотела перемен. Но у Мэтта была тут работа, еще он болел за «Арсенал», а она была беременная, и его квартирка была мала для троих, не говоря про кукольный домик, – вот они в конце концов и оказались в террасном доме на Далси-стрит. Жизнь – такая штука. У тебя не бывает выбора, но тебе кажется, что ты могла бы выбирать, когда была моложе. Ты оказываешься в чужих тебе местах, рядом с чужими людьми, живешь чужой жизнью, не своей... Ей не нравился последний отрезок Кентиш-Таун-роуд с его вечными пробками, но наконец она свернула на свою улицу, и ее усталые ноги зашлепали по серым потрескавшимся камням мостовой.

Далси-стрит лежала в тени – солнце уже спряталось за домами. На ней никого не было, только вдалеке щебетала птичка. Тут Джульет увидела возле своего дома автомобиль с включенным мотором. Сидевшая за рулем женщина опустила голову, но Джульет видела свет от ее телефона и недовольно нахмурилась. Она терпеть не могла такие автомобили на их узкой улочке, где вонь от выхлопа висела потом в воздухе бесконечно долго. Жившая напротив нее Зейна регулярно без церемоний стучала по ветровому стеклу машины, остановившейся напротив ее дома, и заявляла: «Вам известно, что закон запрещает стоять с работающим мотором?» Если с ней спорили, она тут же цитировала постановление – Зейна знала такие вещи. Она знала все...

До автомобиля осталось метров десять, и Джульет размышляла, не набраться ли ей смелости и сделать то же самое. Но тут открылась дверь ее собственного дома, из него вышел Мэтт, держа что-то в руке. Женщина оторвалась от телефона и подняла голову.

Это была Тесс. Она наклонилась вперед и открыла пассажирскую дверцу.

Мэтт обошел машину спереди и сел в нее. Он поцеловал Тесс в губы, а потом, словно спохватившись, взял ее лицо в ладони и поцеловал еще раз. Ее волосы были бесхитростно откинута от лица, словно порывом ветра, и даже не пошевелились во время поцелуя.

Мэтт первым прекратил объятия и защелкнул ремень безопасности. Тесс что-то сказала, положила телефон на приборную доску и провела рукой по волосам. Мэтт улыбнулся ей и взглянул на себя в зеркало заднего вида. Тесс взялась за руль, и автомобиль промчался мимо Джульет, наблюдавшей за этой сценой из-за фургона, словно шпионка. Он снова взревел в конце улицы, свернул, и наступила тишина.

* * *

Джульет отперла дверь, перешагнув через почту. Конечно же, Мэтт не поднял ее. Тут же ей показалось смешным, что она об этом подумала – он никогда не поднимал почту, если приходил домой первым, словно это должен делать кто-то другой. Счета, муниципальные газеты, извещения, рекламный листок концерта и сверху письмо, адресованное ей и надписанное аккуратным, с петлями, почерком. В верхнем левом углу написано: «Лично».

Она прошла на кухню и выбросила почти всю почту в контейнер для бумажного мусора.

– Я разобралась с почтой, – любила говорить Айла, когда пыталась помочь по хозяйству; она брала с коврика конверты и рекламу и бросала их прямо в мусор. – Все готово.

Джульет налила себе чашку чая, но поставила на стол, чтобы он остыл. Выглянула из узкого кухонного окна на скудный садик за домом с недавно посаженными цветами, неухоженный и некрасивый не из-за недостаточного усердия, а из-за набегов белок, лисиц, кошек и детей. На зеленой, как болотная ряска, террасе стоял облезлый пластиковый грузовичок, когда-то красный, а теперь бледно-розовый и только с одним колесом. Летние цветы, которые она с надеждой сажала каждый год, не пережили зиму в этом сыром и темном дворике, от них остались лишь бурые стебли.

Мэтт делал так и раньше, за год до рождения Санди. С коллегой по работе. Джульет знала, что ее звали Лейла и что жила она в Брайтоне. Ей было двадцать семь, и у нее была кошка. Их связь продолжалась два месяца, и он злился на себя. Он пошел на консультацию к психологу – они оба пошли. Джульет просто сидела, пока Мэтт говорил, что она эмоционально недоступная, что у нее голова в облаках, и думала, когда же она встанет, заорет на него и выцарапает ему глаза. Но, будучи Джульет, она просто пожала плечами и помирилась с ним. В результате у них родился Санди и скрепил печатью сделку, которую они заключили в надежде, что их жизнь наладится. Вот только со временем стало очевидно, что не наладится.

Тишина в пустом доме нервировала ее. Джульет заморгала, возвращаясь к реальности, и взяла в руки адресованное ей письмо в голубовато-зеленом, как утиное яйцо, толстом конверте. Взвесила его на ладони. Оно было на редкость тяжелым.

Она праздно подумала – интересно, Тесс всегда ненавидела ее, или теперь ненавидела больше, потому что трахалась с ее мужем, или она всегда ненавидела ее, а интим с ее мужем был добавкой к ее ненависти. Может, на философском уровне Джульет была с ней неразрывно связана... Где же они трахались? Тут, в доме? Может, ей надо поговорить сегодня с ним и сказать, что ей все известно? И он тогда уйдет от них этим же вечером? А дети – что они скажут им?

У Джульет закружилась голова, она оперлась о стол, и тут ее с десятиминутным опозданием пронзило. Мэтт. Тесс. Ее семейная жизнь. Мэтт. Тесс. Ее работа.

Она посмотрела на свои руки. Они казались пятнистыми из-за черных клякс перед ее глазами, словно она слишком долго глядела на солнце. Джульет повозилась с конвертом, кое-как открыла его, моргая. Она не заметила, как из конверта выскользнул ключ, и вздрогнула, когда он упал к ней на колени. Она взглянула на него; это был непримечательный, тонкий,

тускло-золотой ключ от навесного йельского замка. Она вынула из конверта тонкую прозрачную бумагу и рассеянно развернула ее. На самом деле она думала о руке Тесс, открывающую дверцу для Мэтта, о волнении на ее лице, когда он поцеловал ее так, словно она принадлежала ему и он не хотел уступить ее никому.

Джульет перевела взгляд на свернутую пополам тонкую бумагу с написанными от руки строчками, и тут у нее подогнулись колени. Этот почерк она не видела много-много лет, а когда-то он был повсюду: на поздравительных открытках, на каталогах луковиц, на листочках со списком продуктов. Почерк перенес ее в кухню Соловьиного Дома. Она прочла последние строчки.

*Ты была мне очень дорога.
Любящая тебя бабушка.*

Джульет обвела взглядом пустую кухню, словно ожидала кого-то увидеть. Что это? Шутка? Или призрак? *Любящая тебя бабушка*. Слова прозвучали словно с далекой планеты, сквозь статические помехи и жестяную музыку, далеко-далеко. Но в кухне никого не было. Тонкий листок дрожал в руках Джульет. Она развернула его и стала читать.

Дорогая Джульет.

Я умерла, не бойся, что это письмо тебе написал призрак.

Если ты читаешь это письмо, значит, эскиз был продан. Раз он продан, тогда я могу сказать тебе, что я планировала сделать для тебя.

Соловьиный Дом теперь твой. Ты имеешь право вступить во владение им в любое время.

Я запланировала, что это должно быть так. Задолго до смерти я отдала твоему отцу две картины в счет наследства, и он согласился. Вероятно, ты помнишь, как он продал их, чтобы финансировать переезд во Францию. Бумаги на дом находятся у местных юристконсультов, которые свяжутся с тобой. Если ты откажешься от этого дома, сообщи им, его продадут, а деньги разделят между тремя благотворительными обществами.

Я столько всего планировала для тебя, а ты меня бросила, когда позволила себе забеременеть от этого молодого человека, который, я знаю, не может дать тебе счастье. Я буду всегда любить тебя. Я пишу это, не зная, сколько лет твоему ребенку и присоединились ли к нему другие.

Меня давно беспокоило, что ты не знаешь полную правду обо всем и что я должна все исправить. Этот дом был счастливым! И я была в нем счастливой много, много лет. Ты тоже была, не так ли? Разве мы не радовались жизни все те летние месяцы? Ты, моя дорогая, осталась одна-единственная.

Ты была мне очень дорога.

Любящая тебя бабушка

Стелла Мэри Хорнер.

Письмо выпало из пальцев Джульет и плавно упорхнуло на пол. Она наклонилась за ним. Кровь прилила к ее голове – она резко обернулась, на этот раз точно уверенная, что кто-то стоял за ее спиной и смотрел на нее.

Но там никого не было. Конечно же, никого. Бабушка умерла четырнадцать лет назад. Джульет была на похоронах. Она – конечно же – видела бабушку накануне похорон, одетую в ее лучшее пестрое шелковое платье и зеленовато-голубые туфли, которые она так любила.

Джульет положила ключ в карман, встала и вышла из дома. Целый час она бродила по Хиту, пока не пришло время забирать детей, что она и сделала в порядке возрастания: сначала Санди из детского сада, потом Айлу. Потом они пошли по дороге и встретили шедшую из школы Би. Тротуар был узок для всей их компании, грузовики грохотали по Хайгейт-роуд.

На подходе к дому Би остановилась и стерла с лица Айлы грязное пятнышко, и Джульет внезапно подумала о картине, которая стояла у «Даунис», запертая, и ждала нового владельца. А потом они пили чай, купались, укладывались спать. Хлопоты поглотили Джульет, и она почти забыла, каким был у нее день, до того как она забрала детей, – забыла про картину, увольнение с работы, письмо и даже про Мэтта.

Наконец, оставшись одна, Джульет сидела с нетронутым бокалом вина в маленькой передней комнате, смотрела какую-то комедию по телевизору и вдруг поняла, что уже какое-то время она ждала перемен. Она словно стояла на палубе корабля и ждала, когда он разобьется о скалы. Что ж, теперь это случилось, сказала себе Джульет, выключила телевизор и сидела, глядя на пустой экран. Корабль разбился.

Что же будет дальше? Что будет дальше, зависело от нее. В этом все и дело. Все зависело от нее.

Она повесила ключ на шею и уснула с ним; она спала так крепко, что даже не слышала, как вернулся Мэтт.

Глава 4

Июль

Разве можно не любить июль, Джульет? Ведь июль – твой месяц даже по своему названию. Мой отец написал в июле «Сад утрат и надежд». Эскиз – это все, что у меня есть, но на нем видно, что изображенный на нем сад почти не отличается от нынешнего. Только теперь стало не так много розовых и синих гортензий и меньше рододендронов, потому что их цветы слишком недолговечные. Мама рассказывала, как когда-то она встретила на выставке работ мужа с королевой Марией. Ее величество сказала ей, что художнику удалось написать рододендроны в цвету, и это удача, ведь они так быстро облетают.

Да, очень долго июль был моим любимым месяцем! Фактически большую часть моей жизни. Пока не явился Он – после этого я не знала ни мгновения счастья. Это случилось в июле... Ну а теперь к делу. Я очень надеюсь, что ты сумеешь вырастить душистый горошек. Пожалуйста, срежь соцветия каждый день; наверху, в Птичьем Гнезде, лежит, надежно завернутый узкий коричневый кувшинчик; по-моему, он идеально подходит для этих цветов. Если этого не делать, они перестанут цвести. То же самое с розами. Розы прелестно цвели в тот день, когда пришел Он, и я запомнила это. Ну вот, опять я о неприятном.

Я придумала, как использовать большую плантацию лаванды возле террасы. Вот что надо делать. Суши лаванду в бельевом икафу, повесь ее пучками. Собери почки, положи их в миску из термостойкого стекла и залей растительным маслом – подсолнечным или виноградным. Не оливковым. Осторожно нагрей на водяной бане два или три часа. Процеди масло, когда оно остынет, и перелей в стеклянные бутылки с плотно прилегающей пробкой. Лавандовое масло хорошо помогает при солнечных и других ожогах, порезах – лаванда прекрасный антисептик.

Еще ты можешь делать лавандовые мешочки. Ткань возьми в Птичьем Гнезде. Ты, конечно, знаешь, что там хранится все старое. Там спали в старину дети. Там старые подушки, занавески, детская одежда, мебель: старинные предметы из того славного времени, когда Далбитти придумывал все для великолепного нового дома. Когда я родилась, мебель уже была потертой, а какие-то вещи мама просто не могла видеть. Вот она и убрала их наверх. Я любила подниматься в Птичье Гнездо, ложилась на пол и смотрела на нарисованные на потолке звезды, слушала соловьев. Я открывала сундуки, в них хранились жизни тех, кто жил в этом доме до меня.

Я делала для тебя много лавандовых мешочков, Джульет. Чтобы в детской хорошо пахло. Я посылала их тебе после твоего ухода, ты помнишь? Ты никогда мне не отвечала. И вообще, Джульет, июль – это твой месяц.

Лондон

Через два месяца

У дверей класса «Чеддер» столпились с праздничным видом родители и опекуны. Тускловую июльскую жару шевелил свежий ветерок; он приятно охлаждал щеки людей, рассеянных по строгому викторианскому зданию школы.

Джульет, толкая кресло-коляску с Санди, торопливо подходила к школе и в который раз полюбовалась стрельчатыми готическими окнами старинного здания. Сколько часов она провела на этой площадке, в спешке привозила сюда Би, потом Айлу или прибежала по вечерам в Детский клуб? Обычно одной из последних. Теперь она присоединилась к когорте активных мамаш, которые торчали в школе с понедельника по пятницу. Иногда они были единственными взрослыми, с которыми она разговаривала за весь день.

Она терпеть не могла опаздывать, и все же это случалось с ней часто. Она с огорчением подумала об этом, когда автоматическая дверь начальной школы закрылась за ее спиной. На миг Джульет увидела себя в зеркале: потное чучело в стоптанных эспадрильях, облезлой футболке и одной из ее длинных юбок с карманами – униформе, в которой она проходила половину лета. Это было плюсом ее нынешней ситуации: теперь она могла одеваться так, как хотела. Ее золотисто-рыжие волосы отросли, но ей было плевать, она каждый день завязывала их на затылке. Она позволила Би подстричь себе челку в ванной, со смешанным результатом – одна сторона получилась классно, другая неровной, потому что Айла рассмешила сестру в самый критический момент. Джульет обнаружила, что ей это тоже безразлично. Она не считала это важным, как и много других вещей. Запыхавшись, она подошла к дверям класса и присоединилась к толпе родителей.

– Куда вы собираетесь поехать на каникулах?

– Я забронировала дом в Умбрии на две недели...

– Ой, как чудесно.

– Да, пожалуй. Я сделала это давным-давно, а после этого в «Гардиан» написали про отдых с детьми и...

– Нет, место с вигвамами возле бассейна? Ах, Джуд, восхитительно.

– Да, да. А что у тебя, Джемма?

– Мы поедем на несколько дней в Уитстебл, а потом на Иль-де-Ре. Мы взяли в прокате велосипеды – Эш говорит, что он и пытаться не хочет, но я думаю, что я с детьми смогу...

– О, роскошно.

– А ты, Тесс?

– Понятия не имею. Возможно, Мартас-Виньярд. Там у Роберта друзья. – Тесс похлопала пальцами по телефону.

– О, какое чудо, мне всегда хотелось побывать в той части мира, – улыбнулась Кэтти. – Как стильно, Тесс.

Тесс слегка улыбнулась.

– Вообще-то, мне не слишком хочется туда ехать. Может, мы и передумаем. – Она сжала пальцами переносицу и пошевелила челюстью. Джульет мгновение смотрела на нее, упиваясь ее яркой, но хрупкой красотой, ее лицом, сбросившим на долю секунды маску. Но, к счастью, заметила, что Санди уронил на пол бутылочку с водой. Присев на корточки, она подняла ее, потом нарочно долго возилась, вынула из сумки бутылочку сока и положила на дно коляски, освободив место. *Только не спрашивай меня, что мы будем делать.*

Но Кэтти повернулась к ней:

– Джульет? А у вас какие планы? Как всегда, потрясающие? Очередная затея Мэтта – спортивные каникулы с каким-нибудь экстримом?

– Нет, – ответила Джульет, вставая, и стала толкать коляску взад-вперед, словно желая успокоить Санди. Малыш очнулся от созерцания птички на крыше дома школьного смотрителя, выпрямился в коляске и завертелся, натягивая ремешки.

– Отстекни меня! Отстекни! – заканиючил он. – Не! Не! Отстекни!

– Вы поедете к твоим родителям во Францию?

– Нет, вообще-то, мы ничего не планируем. – Джульет продолжала покачивать Санди.

– Совсем ничего? – Диана вытаращила глаза. – Но ведь шесть недель – это очень долго.

– Э-э – ну нет. – Джульет пожала плечами, наклонилась и погладила Санди по головке. Ей было невыносимо смотреть на всех. – Просто... я не работаю и...

Кэтти похлопала Джульет по плечу:

– Чутьочку тяжелый у тебя год...

– *Хотю кусать! Санди голёдный! Позялуста!*

Дейна кивнула, спохватившись:

– Ой, извини, Джульет. Я совсем забыла. Конечно, у вас не получится.

– Хм-м. Ничего страшного. – Джульет кивнула и встретилась взглядом с Зейной. Та ничего не сказала, лишь медленно покачала головой. Джульет знала, что она хочет сказать. *Не подбивай меня на это. Весь план абсолютно безумный.*

Джульет поспешила переменить тему:

– Попрощаемся с сырными классами.

– Да уж, – сказала Зейна. – Больше не будет недоразумений по Ватсапу насчет того, у кого какое сырное имя.

– Ну а мне нравился «Чеддер», – заявила Луиза. – В классе было много европейских сырных имен. По-моему, приятно, что мы проявили уважение и к английским сырам.

Последовало неловкое молчание.

– Вообще-то, это нечестно по отношению к тем, кто не переносит лактозу, – сказала Дейна. – У них это не отражено в названиях классов.

– А как ты предлагаешь? – усмехнулась Тесс. – Не могли же они назвать класс «Гадость, сделанная из сои для людей с придуманной болезнью», верно?

– О, – с облегчением сказала Луиза, когда Дейна открыла рот и собралась что-то ответить. – Смотрите, они выходят.

В дверях подготовительного класса появилась мисс Лейси и встала, держась рукой за косяк.

– Спасибо вам всем за поддержку! – Она обвела глазами группу. – Желаю чудесных каникул!.. Мама Айлы здесь? Могу я поговорить с вами?

Зейна подтолкнула Джульет, глядевшую куда-то в пространство:

– Джу. Она зовет тебя.

Джульет поставила коляску на тормоз и вышла вперед, стараясь не наткнуться на кого-то из ребятишек, мчавшихся мимо нее с печеньем в зубах, держа в руках картинки, книжки и осьминогов с развевающимися бумажными щупальцами. Возле окна лежала куча кардиганов, бейсбольных кепок и носков, накопившаяся за месяцы учебы. Джульет повернулась к Санди и помахала ему. *Я сейчас вернусь, сынок!* – негромко крикнула она.

– Э? – тут же встрепенулся Санди. – Э, мама? *Мама?*

– Здравьете, – сказала Джульет. – Что-то случилось?

– Ничего, – ответила мисс Лейси. – Вот только... ну давайте зайдем на секунду в класс?

– У меня там сын в коляске...

– Это ненадолго. – Когда Андреа, помощница, отпустила последних детишек, мисс Лейси прошла мимо нее в прохладный класс. – Буквально на пару слов. Сегодня Айла была очень грустной. Сегодня она с Манди просто зашла в туалет. У нее ужасный запор.

– Бедняжка. У нее так бывает, если она...

Мисс Лейси продолжала говорить, не слушая ее:

– Дело вот в чем, мама. Она сказала, что не рада летним каникулам. Что ей хочется остаться в школе.

– О, – отозвалась Джульет, поглядывая на Санди, яростно оравшего за дверью. Зейна безуспешно пыталась отвлечь его.

– Я просто подумала, нормальная ли у вас обстановка дома... – Мисс Лейси деликатно замолчала и посмотрела на Джульет своими простодушными карими глазами поверх больших, круглых очков.

– Нет. Просто Айла действительно любит учиться, – возразила Джульет.

Мисс Лейси смерила ее строгим взглядом:

– Даже если ребенок любит учиться, все равно ему хочется быть вместе со своей семьей. Он должен радоваться каникулам. Мы считаем странным, если это не так. Это свидетельство...

– Да, конечно, – поспешно согласилась Джульет. – Я уверяю вас, в нашей семье все нормально и ничего плохого не происходит. – Но, может, сказать ей больше? Ледяной ужас пополз по ее спине в виде холодной змейки пота. – Я потеряла в мае работу. Наша жизнь стала немного сложнее. – Это было так. – И мне приходится, ну я стараюсь как-то исправить положение.

– Понятно, – Мисс Лейси кивнула с сочувствием. – Сложное время. Я бы не стала вам говорить, но сегодня она мне сказала, что не хочет никуда уезжать.

– Что?

– Она сказала, что не вернется в школу в следующем триместре.

– Удивительно! Почему она так сказала?

– Я не знаю, – ответила мисс Лейси и перевела взгляд на настенные часы. – Может, она слышала какой-то ваш разговор с мужем?

– Возможно. – Джульет почесала голову.

– Если дома тяжелая обстановка и папа с мамой ссорятся – ребенок быстро это понимает, – сказала мисс Лейси. – Может, вам надо поговорить с ней, заверить, что все хорошо. Что вы никуда не уезжаете и просто немного поспорили с папой насчет... – Она махнула рукой в воздухе: – Ну, из-за чего там спорят родители... Из-за денег, работы, домашних дел, из-за места, куда поехать в отпуск.

– Да, – невозмутимо согласилась Джульет, – из-за всего этого. Извините. Послушайте, я поговорю с ней. Дело в том...

– Вот и Айли! – веселым тоном воскликнула мисс Лейси. – Привет, Айла! Все в порядке?

– Я не могу покакать, – сообщила Айла вполголоса. – Я старалась, старалась, и мне больно, и я чувствовала, ма, что уже вылезает, но очень жесткое, и больно. Может, я случайно съела что-то твердое, как кусок кирпича, и не заметила. – Ее маленькое личико было бледным, под глазами круги.

Джульет прижала Айлу к себе.

– Пойдем домой, доченька. Ничего страшного.

– Но как там. Я знаю, я потрогала пальцем и...

– Ладно! – чуть громче сказала Джульет. – Доченька, мисс Лейси сказала, что ты была сегодня чуточку грустной. Не огорчайся. Я купила тебе книжку с наклейками.

Лицо девочки озарилось улыбкой:

– Египтян?

– Да.

– Только египтян, больше никого, ни вавилонян, ни израильтян, никого? Только египтян?

– На обложке написано «Древние египтяне». Если бы вавилоняне пробрались к ним, я бы сказала тебе.

Айла залилась веселым смехом.

– Ой, мамочка, здорово. Ой, здорово.

Мисс Лейси ходила по классу и подбирала валявшиеся ручки и обрезки цветной бумаги.

– Мама объяснит тебе, что все это твои фантазии и вы никуда не переезжаете, – сказала она и, подойдя к Айле, накрыла ее маленькую головку своей ладонью. От нежности этого жеста у Джульет защемило сердце. – Желаю тебе весело провести лето, малышка.

Айла кивнула и позволила Джульет взять ее за руку. В дверях она оглянулась.

– Но это не мои фантазии, – сказала она. – Я слышала, как мама разговаривала с мамой Ясмин об этом. Она сказала... – Айла набрала в грудь воздуха, словно актер в школьном спектакле перед большим монологом, и выпалила: – Я принесу тебе документы, чтобы ты взглянула на них и подтвердила, что там не закладная. – Она остановилась и вполголоса пробормотала, словно вспоминая точную фразу: – Я не знаю, что это за слово. Но она сказала так: «Когда-нибудь я проснусь, посажу их в машину, не говоря ни слова, и мы уедем туда. И я больше сюда не вернусь».

Мисс Лейси убирала в коробку бумажные салфетки, но тут остановилась и с тревогой повернула лицо к Джульет.

– А, это! – сказала Джульет. – Мы говорили о том, что поедem куда-нибудь вместе с Ясмин, Навалом и Зейной, потому что наш папа работает!

– Это правда?

– Да! Просто... ну за городом есть очень красивый дом. Зейна все знает о нем. Вам он понравится. – У Джульет дрожала рука. Наверняка что-нибудь случится, сейчас в нее ударит молния – за ложь. Но – невероятно! – ее объяснение, казалось, убедило дочку. – Давай пойдem сейчас в парк, туда, где качели и горки? – предложила она. – В честь окончания учебного года я хочу тебя порадовать.

– Кроме книжки про египтян?

– Да, кроме нее.

– Ой, мамочка! – Айла вздохнула от счастья, по-детски трогательно. – Как чудесно! – Она сжала ручки. – До свидания, мисс Лейси!

– До свидания, Айла, лапушка, – ответила мисс Лейси, – мне было... – Она повернулась к Джульет, собираясь что-то сказать, и Джульет замерла, ожидая неизбежного, потому что все люди хотели говорить об Айле, о ее способности прочесть что угодно, даже когда она была маленькая, о ее умении обращаться с числами, о знаниях, которые она получила где-то – но где? – о знаменитом инженере Брюнеле, или Тутмосе, или Фриде Кало. – Мне было поистине приятно познакомиться с тобой. Берегите ее, – негромко добавила она, когда Айла выбежала из класса к Зейне, Ясмин и Санди.

Джульет заморгала от смущения и отвернулась от кроткого взгляда мисс Лейси. Эта молодая женщина, казалось, знала правду, знала, что Джульет – отрицательная особа с черным сердцем.

Я делаю это ради них.

* * *

В первый день каникул Джульет вынырнула из сна в 2 часа ночи, потому что Мэтт выключил свет в холле, а Айла проснулась и испугалась темноты, потом в 3 часа ее разбудил Санди, потому что спальный мешок стал ему слишком мал (она просила Мэтта, чтобы он уложил его в другой спальник, побольше, но поняла, что он не слушал ее, а ей надо было проверить). После этого она лежала без сна, пока за плотными занавесками не забрезжил рассвет. Рядом с ней похрапывал Мэтт. Если она осторожно дотронется до его руки, он страшно разозлится. Много лет назад, когда они познакомились, она могла лягнуть его, чтобы он не храпел. Иногда он вздрагивал от своего храпа, просыпался и поворачивался к ней, их полусонные тела соединялись, будили друг друга и медленно, с удовольствием снова уплывали в сон. Так было много лет назад. После рождения Санди все изменилось. Мэтт заявлял, что устал оттого, что она будила его, когда он храпел, из-за этого он не высыпался и ему было тяжело работать днем.

Скоро я это исправлю, сказала себе Джульет, устало моргая. У Би тоже закончилась учеба, и теперь все трое детей были в ее распоряжении. Она не рассчитывала, что Би будет все время рядом с ними, но заставила ее дать обещание, что они проведут один день вместе.

Сегодняшний день. Я поставлю в саду мольберт, и мы все будем рисовать на нем пальцами. Я поведу их в кино. Мы пойдем на ланч в «Вагамаму» в честь каникул. После обеда мы испечем сами печенье. У нас получится прекрасный лондонский день. Они будут вспоминать его.

Она пошевелила пальцами ног, натянула одеяло под подбородок и попробовала уснуть, но ничего не получалось. В пять тридцать снова проснулся Санди; Джульет, с горячими от усталости глазами, увела его вниз и начала готовиться к замечательному первому дню каникул.

– Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

– Нет, милая. Ешь свои оладьи.

– Я ненавижу оладьи. Я хочу «Чериос». Можно я что-нибудь посмотрю в твоём айпаде?

– Нет. И нет. А теперь послушайте. Сегодня у нас будет веселое утро. Би, положи свой телефон.

– Нет.

– Би... – Джульет просто вырвала телефон из руки дочери. Би вскинула голову и зашипела:

– Госсподи, ма. Не забирай никогда у меня мои вещи, о'кей? – Она вскочила и потянулась за телефоном.

би дрочит себя линейкой в классе я видела это
под столом грязная сучка
я тоже видела это вчера loool
ты чертова свинья Би
линейка наверняка воняет тухлой рыбой
мне пох#й но мне сидеть рядом с ней
вонючая уродина и сучка
Что говорит Фин? Фин?
Ты игнорируешь рыбную вонь пока что?

Джульет пришла в ужас.

– Господи, Би...

– Отдай мне телефон. – Би выхватила его из рук матери.

– Би. Кто пишет тебе это? – Джульет наклонилась к дочери и вытянула шею, чтобы увидеть ее лицо, снова уткнувшись в телефон.

Би подтянула колени к подбородку. Слово живое существо, спрятавшееся в панцирь. Слово ребенок, каким она когда-то была внутри нее и хотела распрямиться. Айла смотрела на эту сцену с бесстрастным лицом. Джульет положила ладонь на согнутую спину дочки и почувствовала торчащие позвонки. Она провела по ним пальцами: один, второй, третий.

– Дочка, пожалуйста, скажи мне.

– Просто ребята.

– Это Молли?

Би подняла голову.

– Ребята из школы.

Джульет сделалось муторно, словно от удара под дых.

– О'кей. Я поговорю с твоими учителями, когда начнется учеба. Я напишу электронное письмо...

Би вскочила со стула.

– Если ты это сделаешь, я уйду, – крикнула она. Айла взяла листок бумаги и принялась лихорадочно что-то рисовать, напевая себе под нос. – Обещаю. Я, блин, убегу, и ты никогда меня не найдешь. Ты и все остальные.

– Би, милая. – Джульет оттолкнула от себя стул и с трудом раскрыла рот. – Послушай меня, доченька! Они не смеют так обращаться с тобой. О'кей? Все очень просто. Хорошо, что я увидела это. – Она ухитрилась оттеснить дочь в угол кухни и положила руки ей на плечи, но при этом ее не покидало чувство, что она поймала ее, но не может ей помочь. – Я поговорю с их родителями, я поговорю в школе – я все улажу, обещаю тебе.

– Ты. Меня. Не. Слушаешь. – В черных глазах девочки горела злость. Санди заревел и уронил на пол чашку с мюсли. Би оттолкнула мать и протиснулась мимо нее.

– Слушай, ты многого не знаешь. Я сама должна это уладить. Не ты. Ты не знаешь *ничего*.

– Но они не имеют права так обращаться с тобой!

– Ма! Ты сначала разберись со своими проблемами, а потом беспокойся обо мне! – Би раскрыла рот и улыбалась – жутко, зловеще. – Ты – ты погляди на себя! – Джульет посмотрела на старомодную юбку в сборку и стоптанные сандалии «биркеншток». – Ты не имеешь, блин, ни малейшего представления, что происходит в твоей собственной жизни... – Би подавила рыдание. – Оссттгавь меня в покое! Оставь меня в покое! – Она попятилась. – Я пойду гулять.

Айла оторвалась от рисования и подбежала к старшей сестре:

– Но Биинии! Я думала, что мы с тобой поиграем сегодня. Я написала на листочке, погляди...

Джульет видела, как ее старшая дочь мучительно скривила губы, пытаясь сообразить, что ей делать. Вот он, ад жизни в семье, с людьми, которые тебя любят! Би закусила губу и оттолкнула от себя Айлу.

– Отстань от меня! Сегодня у меня нет времени.

Круглое, милое личико Айлы застыло и превратилось в маску почти комичного смятения, глаза наполнились слезами.

– Я ненавижу тебя! – закричала она. – Дура косматая! Троглодитка!

Джулия остановила младшую дочку.

– Би, милая, ты ведь обещала, что побудешь с нами...

– Господи, ма, ты просто смешная. Папа прав. – Она, пятясь, отступала по коридору. – Просто... *оставь меня в покое!* – За ней захлопнулась дверь.

Как же ей помочь? Что же делать? Мысли Джульет метались и кружили по одним и тем же знакомым дорожкам. Она взяла телефон, села за стол, чтобы послать сообщение учительнице, но сообразила, что у нее нет электронного адреса новой учительницы, да к тому же она предаст Би, если так сделает. Она протерла глаза.

Где же сейчас ее любимая девочка? Отправилась в Хайгейт, чтобы молча сидеть в кафе с хохочущими, томно тянущими слова девчонками и играющими в крутых мальчишками? Бродит по Хиту? В слезах сидит где-нибудь? У Джульет защемило сердце. Раньше она пыталась ходить за ней, быть рядом с ней всюду, но тогда ее застенчивая, замкнутая Би начала хитрить. Она пыталась незаметно и с любовью направлять ее, но это тоже вроде не работало, что стало видно по недавним отзывам учителей. «Беатрис умная девочка, но учеба не главное для нее, и мы должны совместными усилиями преодолеть дефицит усердия, который проявился во время этого важного учебного года».

Ой, Би... с твоими густыми, темными волосами, когда-то кудрявыми, и с маленькими ручками, в которые ты весело хлопала, с твоими темно-карими, как у бабушки Стеллы, улыбающимися глазами... Как все это ужасно, как ужасно, что я не могу достучаться до тебя...

Черное отчаяние снова нахлынуло на нее, и она выпрямилась, опираясь на спинку стула. Айла что-то яростно царапала на бумаге, не поднимая глаз. Джульет обошла маленькую темную кухню, сунула мисочки в посудомойку и захлопала в ладоши. Сейчас она немного скорректирует планы и выйдет с младшими, чтобы быть дома, когда Би вернется – она надеялась на это...

– Так, друзья. Давайте одеваться. Мы порисуем пальчиками потом. А через полтора часа начнется кино.

Айла подозрительно взглянула на нее:

– Какое кино?

– «Миньоны». – Би завизжала от восторга. – *Круто*.

Санди захохотал.

– Круто, – повторила Айла и обняла мать за талию. – Спасибо, мама, Я ЛЮБЛЮ «Миньоны».

– Отлично, – сказала Джульет. – Так, давайте одеваться, времени у нас полно, но все равно – лучше не опаздывать.

– Нет! – воскликнула Айла с радостной, но чуть тревожной улыбкой. – Мы не опоздаем! Молодец, ма!

Но они, конечно, опоздали. И в кинотеатре отказались оплатить билет, который ей дали, когда она водила Айлу на «Синдереллу», а фильм отменили.

– Штрих-код показывает, что билет уже просрочен, – повторял администратор, а Джульет старалась не взорваться, но разговаривала ехидно и грубо. После третьего похода Айлы в туалет Джульет уронила свой мобильный в унитаз. Во время сеанса телефон постепенно нагрелся так, что жег руку, и сам собой отключился. В полдень в кинотеатре, с его хилым кондиционером, стало жарко и душно.

«Вагамама» стала очередным испытанием. Коляска Санди, отягощенная сумками, дважды опрокидывалась и при этом один раз ударила другого ребенка, и его отец смотрел на Джульет как на убийцу. Ни Санди, ни Айла не стали там ничего есть, а Джульет подвели ее усталые, дрожащие пальцы, и она уронила коробочку с соевым соусом на свои потные джинсы. Когда она убираала сдачу, маниакально улыбаясь официантке, и подбирала влажными салфетками большую кучу упавшей на пол еды, она думала, что зря истратила эти 38 фунтов, ведь дома могла бы побаловать детей чипсами, и они съели бы их с большим удовольствием.

Уходя из дома, она сунула в карман железнодорожную карточку «Семья и друзья», а не «Ойстер», и не могла заплатить за автобус, и их не пустили, потому что не сработал бесконтактный валидатор. Потом пошел дождь, Айла промокла, сняла худи с капюшоном и бросила в грязную лужу. Снова опрокинулась коляска вместе с Санди, когда Джульет пыталась очистить рукавом дочкин капюшон, и лишь потом сообразила, как глупо это делать под проливным дождем. Кажется, Айла снова вляпалась в собачью кучку, потом Джульет не могла найти свои ключи, и какой-то мужчина негромко ругнулся «мать твою», когда был вынужден сойти с тротуара, который она заблокировала с детьми, роясь в сумке. Ей хотелось крикнуть ему вслед: «Мы задержали тебя на три секунды, козел!» Броситься за ним и двинуть его по роже, пнуть его ногой. Тут она поймала себя на таких мыслях. Лондон. Жара, грязь, люди, нервозность всего.

Они сделали капкейки с глазурью из сливочного сыра и масла с сахаром, но сливочный сыр был какой-то не такой, слишком жидкий, словно желтоватая творожная смесь с лимоном. Глазировка не держалась на кексах, которые слишком долго пеклись в духовке и стали твердыми, как пемза. Санди отказался их есть, Айла бубнила и бубнила:

– Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

Было всего 3 часа дня, но Джульет устроила чаепитие раньше обычного. Дети не хотели есть куриные нагетсы, потому что она забыла, что у них были цыплята на ланч в «Вагамама», хотя они там тоже отказались их есть. Лисица, подылавшая от парши или какой-то долгой болезни, повадилась лежать в их крошечном дворике. Вонь от нее проникала через открытое кухонное окно. Санди обжег руку о сковородку с чипсами. Он орал и визжал, и его голос стучал в голову Джульет.

Она разрешила ему смотреть мультики про Свинку Пеппу, а сама стала делать уборку, потея от жары, а когда заглянула в гостиную, обнаружила, что Санди там всюду натошнил.

Он отгрыз угол книжки про кота Мога, жевал его, с упоением глядя на экран. Его стошнило горохом, кукурузой и кусочками моркови, хотя Джульет не помнила, что он ел что-то из этого за последние двадцать четыре часа. Айла случайно лягнула Джульет в лицо, когда передевала худи и футболку, а потом они снова сидели перед телевизором, и Джульет спохватилась, что у нее будут мокрые трусы, если она немедленно не забежит в туалет.

Она сидела на унитазе, терзаясь виной, что они так и не рисовали пальцами, что она крикнула «ох, Айла, ты охренела», когда дочкин башмак ударил ее по щеке, тревожилась за Би, потому что не могла позвонить ей, и наслаждалась освобождением мочевого пузыря. Даже попыталась улыбнуться и сказала себе, что когда-нибудь посмеется над этим ужасно нелепым днем. Из гостиной донесся крик; судя по нему, Айла сидела верхом на Санди, потом Джульет уловила запах гари, но все писала и никак не могла остановиться, только сжала челюсть и пыталась снова повторить: «Мы все когда-нибудь посмеемся над этим днем».

Когда в семь часов вернулся домой Мэтт, Айла и Санди сидели голышом в саду в маленьком надувном бассейне. Джульет лежала в шезлонге, опустив ноги в холодную воду, и отрешенно глядела в пространство.

– Вижу, вы расслабляетесь, – сухо заметил Мэтт и прошел в кухню.

Джульет встала и пошла за ним.

– День получился долгим.

Мэтт снял мотоциклетный шлем, методично выложил ноутбук, айпад и телефон, потом развязал свои специальные мотоциклетные башмаки.

– Правда? Чем же вы занимались?

– Ходили в кино и «Вагамама», потом вернулись домой и пекли кексы... – Она замолчала и улыбнулась. – Впрочем, все звучит довольно приятно, когда рассказываешь об этом.

На блестящем виске Мэтта пульсировала жилка.

– Да... – Он наполнил кувшин холодной водой и стал своими аккуратными, точными движениями убирать чашки. – Не сомневаюсь, что это был ад.

– Мой телефон сдох, между прочим. Я уронила его в унитаз.

– Но ты ведь только что его купила, – сказал Мэтт, включая кофейную машину. Он старательно избегал повышать голос, она слышала это по его тону и нервничала еще больше. И злилась.

– Я не нарочно швырнула его в унитаз, потому что он новый. Так вышло. Трудно смотреть за тремя детьми.

– Ну, допустим, за двумя. Где Би?

– Я... я не знаю.

Мэтт кратко взглянул на нее, наливая воду в кофейную машину.

– Как это – не знаешь?

– Ну, она ушла сегодня утром. Я увидела на ее телефоне нехорошие сообщения. – Джульет потеряла лицо. – Мэтт, ее просто травят. Пишут такие вещи... просто ужас.

– Например, какие?

Джульет оглянулась на надувной бассейн.

– Я потом тебе скажу. Она выскочила из дома, потому что я хотела написать об этом в школу. До сих пор не вернулась, и я не могла связаться с ней – без телефона. Ты можешь ей позвонить?

Он сердито сверкнул глазами.

– Ее весь день не было, а ты даже не подумала мне написать?

– Как я могла это сделать?

– У тебя есть ноутбук, – сказал он со злобным сарказмом. – Ты забыла про свой ноутбук?

– Они забрали его, Мэтт. Прислали за ним курьера. Две недели назад. – Она уперлась руками в бедра и снова оглянулась на детей. – Если бы ты слушал меня, ты бы знал. Я говорила тебе.

Та же самая заезженная колея – что она чокнутая, что он никогда не слушает, но теперь в них было что-то усталое, автоматическое, словно каждый из них был рад обвинить другого.

Мэтт молот кофе, наклонился над кофемолкой и нажимал на кнопку. Звук напоминал дрель.

– Так, значит, теперь у тебя нет возможности общаться с внешним миром.

– Никакой.

– Как же ты намерена искать работу?

Джульет хотелось рассмеяться. Он задавал ей вопросы как работодатель, не как партнер.

– Ну... я не могу. К тому же мы ведь решили взять Санди из детского сада, и я теперь почти все время с ним. Ты пытался смотреть за двухлетним ребенком изо дня в день с утра и до вечера? Я знаю, что нет, так что позволь мне объяснить. Это трудная работа.

– Конечно, я смотрел за ним, он ведь и мой ребенок. – Он тщательно, аккуратно насыпал ложечкой кофе в фильтр, потом вставил его в кофейную машину, включил ее, взял маленькую кружку для эспрессо с полки и аккуратно поставил под фильтр. – Они мои дети. Разве что, конечно, ты прислушалась к желанию твоей бабки и позволила этому черномазому парню тебя обрюхатить. Ей бы это понравилось, не так ли? Ох, как было бы всем хорошо, вы бы остались там все вместе! Счастливая развязка! Честнее слово, жалко, что я появился откуда-то.

Она вытаращила на него глаза:

– О чем ты говоришь, черт возьми? Что ты придумал? Какое отношение ко всему этому имеет Эв?

– Ох, твоя семья считает, что я недостаточно хорош для тебя. Ты сама это знаешь! Как сказала твоя бабка, эта очаровательная старая кошелка: «Я надеюсь, что она образумится». Как жалко, что ее не было на свадьбе! Мне так не хватало ее.

Джульет оставила без внимания его слова. *Он пытается обвинить меня.* Психотерапевт говорила об этом в тот раз. Джульет старалась игнорировать нарастающую в ней волну гнева.

– Слушай, Мэтт, я ни в чем тебя не обвиняю. Я просто говорю, что на уход за двумя детьми у меня уходит все время. Я должна смотреть за ними...

– Мама, Санди плавает в бассейне!

– Санди! – крикнула Джульет, выскакивая из кухни. Санди вынырнул, тряхнул светлой головой, отчего его волосы слиплись в плавник, и сел в воде. – Не ДЕЛАЙ этого. Не опускай голову под воду.

– БОЛЬШАЯ ЖЕЛТАЯ РЫБА, – крикнул Санди.

– Слушай, Санди, – твердо сказала Айла. – Не будь таким глупым. Ты глупый мальчик, правда, Санди? Маленький и глупый, с попкой вместо головы...

– У меня был очень длинный день, – неожиданно сказал Мэтт, когда кофейная машина начала реветь и выбрасывать горячий пар в уже покрывавшийся пузырями потолок. – Я немного посижу в гостиной.

– Ты можешь сначала позвонить Би? – спросила Джульет. – Трубка стационарного телефона сломалась.

– Господи, Джульет.

– Что?

– А ты не можешь? Я ведь сказал – у меня был длинный день. – Он обвел жестом запущенную кухню. – Ты не могла даже чуточку убраться? Вынуть посуду из посудомойки?

– Ты шутишь? – Джульет рассмеялась и отошла на шаг. Она знала, что он не шутил. Или шутил? – Слушай, Мэтт. Ты понимаешь, что на самом деле происходит? – спросила она и чувствовала, что вот-вот сорвется.

Мэтт бесстрастно смотрел на нее, только под его левым глазом пульсировала жилка.

– Ты что имеешь в виду?

Сейчас. Я скажу ему, что я все знаю, сейчас.

Но тогда ты не сможешь уехать.

Джульет покачала головой и опустила глаза, словно озорной ребенок. На ее глазах кипели слезы.

– Кажется, ты рада, что все идет наперекосяк. Ты слишком многого требуешь от меня. Ты все запустила. Это твоя жизнь, они твои дети. Хватит ждать меня, Джульет. – Он деликатно и ловко сжал пальцами ручку кофейной кружки и проглотил ее содержимое. – Ты позвони ей. Удели ей хоть чуточку внимания. – Оставшись на кухне одна, Джульет почувствовала, как что-то лопнуло у нее внутри, как будто она летела в самолете и у нее сначала заложило уши, а потом все прошло. *Ты позвони ей.* Новый визг из бассейна опять заставил ее выскочить на улицу. Она ударилась пальцем о порожек, и на секунду у нее перехватило от боли дыхание. Но потом она пошла дальше. Обнаружила, что может идти. Ведь надо просто идти.

Глава 5

Когда Би вернулась – около девяти вечера, – она прошла в кухню и села к столу, а не стала протискиваться мимо хлама, накопившегося в холле, в свою комнату.

– Привет, – сказала она. – Я вернулась.

– Ох, слава богу, – сказала Джульет, вставая из-за стола. – Доченька, где же ты была? – Она не сказала ей, что и сама только что вернулась. Что искала ее два часа и обошла Хит, Суэйнс-Лейн и многие кафе Хампстеда.

– В разных местах. С ребятами. – Би кивнула ей, чтобы она села, и скованными движениями сняла с плеч рюкзаков. Пока Джульет смотрела на нее и не знала, что сказать, ее дочка осторожно размотала и сняла провода наушников с лямки рюкзака и стала наматывать их на телефон.

– С Финном?

– Какое-то время. – Закончив наматывать провода, она убрала телефон, не глядя на мать.

– Кажется, он приятный мальчик. Ты не хочешь пригласить его...

– О господи, ма... Просто... не надо... – Би поморщилась, скрестила на груди руки и опустила голову. – Я не могу избавиться от этого, – проговорила она так тихо, что Джульет еле слышала ее. – Куда бы я ни пошла.

Джульет подошла к ней и обняла.

– Ты сможешь. Только расскажи мне, доченька. Тогда я все...

– Ты! – перебила ее Би. Ее голос был тихим. Она не кричала. Она даже улыбалась, и это было еще хуже. – Ты всегда, всегда говоришь, что все будет хорошо. Ма, ты никогда не слышишь, что происходит на самом деле. Даже понятия не имеешь. – Она была бледной и безнадежно усталой.

– Милая моя девочка... – Джульет крепко обняла ее, и Би поморщилась. – Что у тебя с рукой?

– Ничего. – Би высвободилась из ее рук.

– Они тебя ударили?

– Нет. Нет, они ничего мне не сделали. – На ее маленьком личике отразилась паника, смешанная со злостью.

В груди Джульет закипел гнев и потеснил мучительную тревогу последних часов и дневную усталость. Вдалеке зазвонил телефон.

– Послушай, я все исправлю, обещаю тебе.

– Ничего ты не справишь, – вздохнула Би. – Ты всегда так говоришь. Например, когда я была маленькая и порвала костюм Девы Марии. Или когда все кексы упали на пол. Или когда я неправильно отправила мой доклад. Ты не можешь ничего исправить. Я не могу тебе сказать, в чем дело. – Она отошла от матери и покрутила головой, отыскивая свой рюкзак. Торопливо схватила его. – Я пойду наверх.

– Но Би...

– Джульет? – Мэтт появился из гостиной. – Кто-то хочет поговорить с тобой. Вроде снова заработала стационарная сеть.

– Привет, па, – спокойно поздоровалась Би, уходя.

– Привет, красавица. – Мэтт ущипнул ее за щеку. – Сегодня я скучал без моей красивой дочки.

– Ты хочешь сэндвич с арахисовым маслом? – спохватилась Джульет, взяв трубку у Мэтта; их пальцы соприкоснулись. У нее дрожал голос, ей было плохо.

– Нет, спасибо, – ответила Би, прижимая к телу рюкзак.

– Он говорит, что он из транспортной фирмы. Он звонит тебе для подтверждения заказа, – сказал Мэтт, когда Би ушла.

– Из транспортной фирмы?

– Так он сказал. Зачем он звонит сюда?

– Алло? – сказала в трубку Джульет. – Да? О нет, не я. Нет, вы звоните не той Джульет. Нет, я не знаю ее. Да, я уверена. О, я не знаю ничего об этом! Я узнаю и позвоню вам завтра, хорошо? Как странно. До свидания.

Она нажала на «отбой» и улыбнулась Мэтту, почти ласково.

– О чем шла речь? – с любопытством спросил Мэтт.

– Даже не знаю, – ответила Джульет. – В «Даунис» иногда обращаются к ним по текущим вопросам; вероятно, они позвонили не той Джульет. Я сейчас пообещала, что позвоню в «Даунис», узнаю и сообщу им.

– Почему ты должна этим заниматься? Почему тебя должно заботить, отправили ли что-либо в «Даунис»?

Она поймала себя на том, что смотрела на него, на его коротко подстриженные виски, пронзительные серые глаза, на улыбку, игравшую на его губах.

– Ты прав. Меня не должно это волновать. Слушай, тебе не пора ли позвонить матери?

Мэтт обычно разговаривал по телефону с матерью в пятницу вечером. Когда умер его отец-англичанин, мать снова уехала в Италию. Десять вечера было самым удобным временем для звонков, с учетом разницы на час из-за другого часового пояса. Милая Луиза с ее экстравагантными подарками, любовью к внукам, с преувеличенной реакцией на все: неприязнь, ужас, интриги... Джульет было грустно думать, что она прощалась с ней, с улыбкой Мэтта, когда он разговаривал с матерью... это были приятные мелочи, которые скрашивали их совместную жизнь...

– Ах да! Ты... Сейчас я позвоню ей.

Джульет пошла наверх на подгибавшихся от усталости ногах. Задержалась на миг возле двери Айлы и сжала холодный металлический ключ, висевший на шее, словно талисман, волшебная палочка, которая могла перенести тебя куда-нибудь, словно детей из какой-то дочкиной книжки. Все-таки сейчас она еще могла все бросить, отказаться от своего плана. Могла остаться здесь, остаться в его жизни – это было не так плохо. Би проходила через ужасную полосу жизни, но ведь так часто бывает в процессе взросления, не так ли? А Санди и Айле вообще все равно, где жить, это точно.

Тут она вдруг ясно поняла, словно увидев себя со стороны, что ей не так важно, спал Мэтт с кем-то или нет. Дело было в другом. Их совместная жизнь осталась в прошлом, их брак изжил себя. При мысли об этом Джульет задрожала от ужаса и горя. Все было позади. Мэтт уже не мог причинить ей боль.

Вот почему я чувствую себя виноватой, подумала она. Мне плевать на него. Я не уважаю его. Когда-то я любила его, очень любила – о боже, много лет я считала, что нас свела судьба.

Но я ошибалась. И, может, бабушка была права. Как бы то ни было, я его больше не люблю.

Тут в ее памяти неожиданно всплыла фраза:

«Будущее еще не написано; прошлое сожжено и кануло в небытие».

Надпись на табличке, оставшейся от рамы «Сада утрат и надежд».

«Прошлое сожжено и кануло в небытие».

Джульет нерешительно постучала к старшей дочке и тихонько отворила дверь.

Би сидела на полу и играла в кукольный домик. Она сняла худи, а когда Джульет вошла к ней, съезжилась, скрестив на груди руки. Джульет села рядом с ней на корточки и вдруг обратила внимание на дочкин рюкзак – он был грязный и весь покрыт отпечатками подошв кроссовок.

Кто-то долго топтал его. Джульет посмотрела на Би и увидела, что у нее все руки покрыты синяками, а ладони грязные. Она ласково взяла дочку за руки.

– Би, милая, ты должна рассказать мне все. Что случилось? – Она осторожно провела пальцами по синякам. – Я серьезно тебе говорю. Хватит молчать. Расскажи мне.

– Они топтали мой рюкзак, а потом толкнули меня на землю и пинали ногами по плечам. О'кей? Достаточно подробностей?

Джульет тихонько подвинулась к дочке и погладила ее по плечу.

– О'кей, – тихо сказала она. – О'кей, милая. Тебе... больно?

– Это? Вообще-то, не очень. Ма, ты ничего не понимаешь. И не пытайся понять. Они всегда одержат верх. – Она взяла одну из фигурок и поставила ее на крышу.

– Нет, неправда, – возразила Джульет. – Они озлобленные, ужасные, но дело в том, что они не одержат верх. Обещаю тебе. Честное слово. Ох, девочка моя любимая. – Она погладила Би по волосам. – Давно это продолжается?

– П-полгода, – тихо ответила Би. – Вообще, чуточку дольше, но совсем плохо полгода.

– Ты можешь мне рассказать? Что они делали? Доченька, я обещаю, даю тебе честное слово, что я ничего не предприму, если там нет ничего противозаконного.

Бесцветным голосом Би начала перечислять:

– Подкладывали мне в рюкзак презервативы, много. Оставляли дерьмо у нашей двери, ты думала, что это собаки, нет, это кто-нибудь из них. Писали обо мне гадости все время. Поливали меня грязью в чатах. Фоткали меня, подловив на чем-нибудь, и рассылали всем. Наверняка шлют даже сейчас, когда мы сидим тут с тобой. Как я сижу в уборной или ковыряю в носу... Молли и Ами притворились, будто им интересно взглянуть на кукольный домик, сфоткали его и... и... – она всхлипнула, – тоже выставили все. Вот кухня в кукольном домике Би, миниатюрные тарелки и крошечное зеркало... вау, она лузер, блин... Вот такие вещи, сотни раз в день на Snapchat Mum, и это *все время*, и все смеялись... Подкладывали мне на стул всякую гадость, ковыряли по очереди в носу и, проходя мимо меня, вытирали сопли о мое плечо, а я сидела и ничего не могла сделать. Мой телефон пищит *все время*, и я знаю, что это кто-то из них... и я позволяю им все это делать, потому что вынуждена, иначе они расскажут... – Она снова заплакала от боли и унижения.

– Расскажут что?

– Ничего. *Ничего*. Я не могу тебе сказать. Ничего. – Она тряхнула головой, вытерла один глаз и сказала усталым, тихим голосом:

– Мама, можно я буду играть?

Джульет смотрела, как ее старшая дочка передвигала деревянные фигурки перед кукольным домом.

– Я обещала тебе, что все исправлю, – услышала она собственный голос и провела пальцем по чешуйчатой крыше, потом вздохнула. – Что, если я скажу тебе, что мы уедем? Уедем и больше не вернемся.

– Ах, – уныло отозвалась Би. – Если бы так.

– Я серьезно. Начнем все снова, в другом месте, но это место ты уже знаешь.

Би повернула к ней лицо. На ее щеках блестели серебристые дорожки слез.

– Ты что имеешь в виду?

Джульет, все еще сидевшая на корточках, встала на колени и взяла холодную, грязную руку дочери.

– Я делала так много неправильных вещей. Боюсь, что так бывает со всеми родителями. Ты стараешься все сделать хорошо, потом глядишь по сторонам, видишь, что у тебя все не так, как надо, и ты даже не понимаешь, когда и с чего все началось, а ты начинаешь злиться на себя, и все становится еще хуже. А этот мой план – ох, господи, может, он тоже неправильный.

Хотя не думаю. По-моему, Би, нам нужно изменить нашу жизнь. Я говорю с тобой абсолютно честно и откровенно. Все плохо, у всех нас.

– Как же папа? – спросила Би.

– Ну дело и в нем тоже, – ответила Джульет со вздохом, наклонила голову и сморгнула слезы, которые упали на домик, на ковер, потому что внезапно подумала о том, что любила его когда-то.

– Из-за его романа с Тесс?

– Что?

– Я все знаю, ма. – Джульет увидела, как изменились очертания ее личика, как появились впадины на щеках, когда она сжала челюсти. Я... я... – Би вздохнула. – Месяц назад я взяла его телефон, чтобы вызвать «Убер», и прочла их переписку.

– Что ты сделала?

Би подняла глаза на мать. У нее побелело лицо.

– Не сердись на меня...

– Доченька! Я не сержусь на тебя. Господи! Ох, милая моя. Ты знала.

– Он писал, что любит ее. И все такое. – Би снова опустила глаза. Джульет ласково погладила ее по руке.

– Ох, Би. Доченька, как мне жалко, что ты узнала об этом. Почему ты ничего мне не сказала?

– Я не хотела быть доносчицей... Да и как я могла бы сказать тебе? – Би покачала головой. – Я думала, что ты не знаешь, и злилась на тебя за слепоту. – Она положила голову на плечо матери. – А она такая шлюха, ма. Я терпеть ее не могу. Даже когда вы с ней дружили, она вызывала у меня отвращение.

– Мне тоже она уже не нравится, – сказала Джульет. – Но, в общем, ты знаешь. Ну и ладно. – Она потеряла спину дочки.

– И что, папа любит ее?

– Не знаю. Я не могу спросить его об этом, пока – не могу. Надеюсь, что любит. Теперь у меня собственные планы, потому что я не думаю, что теперь мы сможем жить вместе.

– Конечно. – Би выпрямилась.

– Вот я и хотела обсудить их с тобой. Гляди. – И Джульет похлопала по кукольному домику. – Вот этот дом. Он принадлежит мне.

– Конечно, без вопросов.

– Нет, я имею в виду... этот дом. В реальной жизни. Теперь он мой.

– О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю.

Джульет убрала волосы с глаз дочки.

– Настоящий дом. И теперь он мой. Я подумала, что мы можем завтра туда уехать. – Она снова дотронулась до крыши домика, непролитые слезы жгли ей глаза. Большая дымовая труба, служившая опорой для петли, внезапно распахнулась, и перед глазами Джульет появились любимые фигурки – младенец в колыбели, собачка, стулья. Витая лестница, большое окно на втором этаже, Птичье Гнездо наверху, которое закрывалось на крючок, и там можно было хранить конфеты, книжки, игрушки...

Би, как все девочки-подростки, редко сразу реагировала на происходящее, но вдруг удивленно спросила:

– Что ты имеешь в виду? Как это мы можем уехать завтра? Правда?

– Да. Правда. Мы уедем утром. – Джульет поцеловала дочку и схватила ее за плечи. – Ты сможешь начать все заново и забыть про тех девиц.

– Ты сошла с ума! – воскликнула Би одновременно со смехом и испугом. – Ты хочешь, чтобы мы сбежали?

– Нет, не сбежали. Мы никуда не убегаем, – спокойно сказала Джульет. – Просто что-то случилось – даже не одна вещь, а четыре или пять разных вещей. И я считаю, что нам надо уехать из Лондона и начать жизнь заново. Возможно, потом ты будешь винить меня за это всю жизнь, а может, это будет лучшее решение, которое я делала за всю мою жизнь. Видишь ли, я поняла, что мы пришли к такой точке, где нужно что-то менять. Менять то, что мешает нам жить нормально... – Джульет задыхалась от слез, которые с трудом сдерживала. Она закашлялась. – Может, тебе это покажется безумием, но для нас лучший выход – это поехать туда. Поверь мне, доченька.

Глава 6

Улица была пустая, ее уже накрыла пыльная, выгоревшая на солнце лень летних отпусков. Жители разъехались. Поцарапанная и побитая красная «Шкода» стояла с открытыми дверцами возле дома.

– Ты с ума сошла, – сказала Зейна и подула на волосы, убрав их со лба. – Только помни, что у тебя есть шанс переменить решение. Ты приедешь туда и сразу возвращайся в Лондон. Будешь к чаю, и Мэтт даже не заметит, что вы уезжали.

– Нет, я не вернусь, – ответила Джульет, складывая в машину последние сумки. Было раннее утро, и ее сторона улицы еще лежала в благословенной тени. Мэтт уже уехал. Он прислал ей сообщение:

Сегодня велотур в Хит. Вернусь в 7. Пжлст сдлй уборку & купи еды если я не прошу слшк мнгого.

– Нельзя же так, – сердито говорила Зейна. – Проснулась утром и решила переместить свою семью в какой-то заброшенный дом у черта на куличках, потому что захотела сменить обстановку. Ты ведь говорила, что хочешь его продать. Ты не была там давным-давно и даже не знаешь, каким образом тот дом внезапно стал твоим!

– Слушай, ведь ты видела бумаги. Там все чисто. Дом действительно мой.

– Это еще не означает, что ты поступаешь нормально! – прошипела Зейна над крышей «Шкоды».

– В моей ситуации вообще нет ничего нормального, – ответила Джульет. – Теперь все будет нормально, либо этого не будет никогда. Я осталась без работы. Но благодаря твоей гениальной помощи я получила очень приличное выходное пособие. Еще раз спасибо!

– Я рада этому, сестренка.

– Мою дочь жутко травят и бьют, она видит много дерьма; что-то в ее ситуации я понимаю, что-то нет. И, наконец, вишенка на торте – у моего мужа начался бурный роман с мамашей из школы.

– *Что?*

– Да-да.

Зейна обошла вокруг машины и встала рядом с Джульет на тротуаре.

– Кто это? О боже. *Кто?*

– Тесс, – прошептала Джульет.

– Ни хрена себе! Конечно. О! Господи, ну и шлюха.

– Вот так и Би ее назвала. – Они обе рассмеялись, словно там было над чем смеяться.

Потом Зейна покачала головой:

– Ох, Джу. Сочувствую.

Джульет протянула Санди его кролика:

– Вот, возьми, сынок. – Она захлопнула дверцу и повернулась к Зейне: – Я не говорила тебе об этом, но у него был роман с какой-то девчонкой в офисе, когда он открыл собственное дело. Я была беременной Санди. Ей было двадцать с чем-то. Он уволил ее. Это разозлило меня больше всего, именно это, прямо в глотке застряло, что он уволил девчонку. Мне надо было понять еще тогда, что я не так уж сильно расстроилась из-за той связи, как могла бы. Может, это был для меня знак, что наши отношения накренились.

– Надо было сказать ей, чтобы она пришла ко мне. Я бы ей помогла, – сказала Зейна, и Джульет снова рассмеялась, они обе, и потом обе одновременно вздохнули. – Ох, блин, – спохватилась Зейна после паузы. – Подруга, извини, мне правда жалко.

– Тебе нечего извиняться. Но ты понимаешь меня, правда?

– Ну... ОК... А как будет со школами? Разве у Би не начинается выпускной год?

– Она может начать учебу в сентябре в местной школе. Я уже навела справки. Школа для девочек, и хорошая, правда хорошая. Там есть место для Би. И, послушай, многие дети меняют школу. Если мы останемся, – спокойно добавила она, – я испорчу им жизнь. Не сразу, так... постепенно.

– Ох, милая моя, не испортишь.

Но Джульет нервно кивнула:

– Мы испортим. Я живу как в ловушке. Словно стены с каждым днем все теснее сдвигаются вокруг меня. Мне нужен простор. Нам нужен свежий воздух. Детям нужно расправить крылья, слушать сов, лепить пирожки из травы и глины, им нужно уехать из этого токсичного дома и от супертоксичной ситуации в семье. Нам всем это необходимо. Я не могу тут остаться, Зе. Правда не могу.

– Ты никогда не рассказывала мне про этот дом, – с легкой обидой сказала Зейна, – и вдруг оказалось, что твои дети должны туда ехать, чтобы слушать сов.

Джульет захохотала. Но она понимала, что невозможно описать притяжение Соловьиного Дома и что всегда, все годы – от ее юных лет, когда она в ботинках до колена сидела в барах, до замужества, когда она гуляла с детскими колясками по Хит до «Бутс» и обратно, – Дом непрестанно сидел где-то в ее сознании. Что она думала о нем каждый вечер, переносилась к нему мыслями, ходила по его комнатам и засыпала только тогда, когда ощущала себя внутри тех толстых стен.

– Ты все поймешь, когда увидишь его. – Джульет откинула волосы со лба. – Если мы не уедем туда сейчас, то никогда уже не уедем. – Би? – крикнула она. – Ты готова? – Она открыла водительскую дверцу и повернулась к подруге. Зейна неловко поправила свой кардиган. – Мне так жалко, Зе.

Зейна кивнула, ее глаза наполнились слезами.

– Я думала, что мы проживем тут всю жизнь и будем ковылять друг к другу в гости, когда нам будет по восемьдесят лет.

– Я тоже так думала. – Джульет горько вздохнула.

– Вот я не дам тебе теперь рецепт шашлыка из барашка.

– ОК, справедливо. – Джульет улыбнулась и смахнула слезы со своих щек. – Мо... может, вы приедете к нам, когда мы там устроимся, и ты пригостишь его?

– Ма... – пропищала из машины Айла. – Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде? Зейна подошла и уткнулась в волосы Джульет.

– Обязательно приеду. Ох, Джульет. Я люблю тебя, подруга. – Ее голос звучал приглушенно.

– Ты понимаешь меня, правда? Пожалуйста, скажи, что понимаешь хоть чуточку.

– Понимаю, странная штука, но я понимаю. – Зейна крепко обняла ее, и Джульет прижалась к ней на секунду, но ей хотелось стоять так много часов. Зейна всегда все делала лучше всех.

– Я напишу тебе, – прошептала она. – Би! Иди скорее, Беатрис! Пора ехать!

И внезапно Би материализовалась на пороге дома с почищенным рюкзаком на спине, в лиловых кедах «конверс» и помахала телефоном.

– ОК, ма, – сказала она и прыгнула в «Шкоду». – Пока, – прощепетала она в окошко Зейне, а та послала ей воздушный поцелуй.

Когда они отъехали от дома, свет на солнечной стороне улицы наполнил машину. Джульет не видела из-за солнца Зейну, но, когда они сворачивали на магистраль, Зейна, неистово махавшая рукой, стала на миг видна.

Старые дороги на ничейной земле возле Северной Окружной, огромная ИКЕА, где Джульет провела бесчисленное количество несчастливых часов, экзотические задворки Уэмбли,

китайский супермаркет, куда она всегда собиралась съездить, индуистский храм в Нисдене... Она не ездила по этой дороге с Рождества, когда была на конференции в Бирмингеме, а до этого еще много лет, но все равно все было знакомым.

Би сидела рядом молча, сторбившись, скрестив руки, не глядя в телефон, и ее прежнее хорошее настроение пропало. Он нее волнами исходил слабый запах арники; это Джульет, к недовольству Би, настояла на том, что надо натереть ей плечо. Позади них Айла мирно спорила с Санди, потому что хотела прочесть ему книжку, а ему было неинтересно.

– Дети! Давайте я поставлю «Аббу»? «Супер-Трупер» всегда приятно послушать, – сказала Джульет с наигранным весельем.

Все молчали.

– Ма, можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

– Нет. И не надо читать Санди эту книжку, раз ему она не нравится.

– Я только стараюсь быть заботливой старшей сестрой. Проявлять заботу очень важно.

Так всегда говорила мисс Лейси...

– Я знаю, доченька, но только, по-моему, сейчас он не хочет слушать.

– Куда мы едем?

– В один особенный дом.

– Зачем?

– Чтобы жить там.

– Зачем?

– Потому что я хочу, чтобы вы увидели его. Там очень приятно.

– Там есть египтяне?

– Нет.

– А вавилоняне там есть, ма? Только не говори мне, что там есть вавилоняне. Я их не люблю...

– Я обещаю тебе, что там нет вавилонян.

– Ну, мне все-таки не хочется туда ехать.

– Там полно интересных вещей. – Джульет поглядела в зеркало заднего вида на серебристый «БМВ», едва ли не прилипший к ее бамперу. – Там яблони, клевый верхний этаж с красивыми платьями, если они еще там, а еще... Господи, какой идиот.

– Кто?

Но Джульет замолчала, уходя от серебристого лихача, пытаясь сменить ряд, и в этой тишине заговорила Би.

– Мама увозит нас от папы, и мы будем жить в какой-то дурацкой развалине в чужом месте, где мы никого не знаем, – объявила она, прижав пальцы к больному плечу. – В доме полно летучих мышей и призраков, там умерли какие-то дети, и мы никогда не вернемся в Лондон, потому что она бросила папу и у нее в голове какая-то идиотская идея о том, что ей надо найти себя.

Снова тишина.

– Спасибо, Би! – в бешенстве воскликнула Джульет.

– Ма, она правду сказала? – прошептала Айла. – Вы с папой больше не будете жить вместе?

– Это не совсем так, – ответила Джульет, все еще пытаясь сменить полосу.

– Ой, правда? – Би громко захохотала, совсем как Мэтт.

– М-мммммм... – заплакала Айла. – Что она сказала? Я не хочу уезжать от Ясмин. И Славки. И Бонниииии... – Она разрыдалась.

– Би, – сказала Джульет, свернув на соседнюю полосу и позволив серебристому наглецу обогнать их, после чего тот с хохотом показал ей средний палец. – Перестань. И не ври. Я думала, что ты со мной.

– С тобой? Это не политическое направление, блин, – едко ответила Би. – И ты не суф-
ражистка. Ты озлобленная старуха, которая злится, потому что папа... – Она замолкла.

– Вчера вечером ты говорила...

– Вчера я была расстроена. Сегодня я передумала. – Она снова скрестила руки.

Джульет ругала себя. Полгода назад всех родителей из класса приглашали к школьному психологу, и они выслушали лекцию о быстром и пугающем развитии психики подростков с двенадцати до шестнадцати лет. Им сказали, что мозг четырнадцатилетнего ребенка проходит через огромные гормональные и логические перемены, связанные с взятием на себя риска, необходимостью усвоения информации, выработки собственной позиции и идентичности, поэтому подростков не надо даже заставлять выбирать на собственный вкус мороженое, не говоря уж о том, чтобы вваливать на их плечи стресс от взаимоотношений в группе и экзаменов, поэтому тот, кто обрушивает на подростка стресс, связанный с кардинальной переменой в жизни, просто преступник. А Джульет решила, что для Би отъезд из дома, от отца будет чем-то вроде увлекательного приключения в духе фильма «Тельма и Луиза». И вынудила ее дать согласие. Да ее следует просто в тюрьму посадить как преступника.

– Прости меня, доченька.

– Плостиии, – внезапно повторил Санди.

– Ма, а про тебя и папу – это правда? – спокойным тоном спросила Айла. Последовало долгое молчание.

– Да, доченька.

– Ну это как в той дурацкой книжке «Разные дороги», где папа и мама больше не хотят жить вместе?

– Что? Ох, милая. Да, примерно так. – Джульет лихорадочно искала глазами место, где можно было остановиться.

– О, п-п-понятно.

Джульет посмотрела в зеркало заднего вида на дочку и сбавила скорость, отчего ехавший за ней вэн громко засигналил. По красным щекам Айлы лились слезы.

– Айла, доченька. Послушай меня. – Джульет вытерла с виска струйку пота. Как же она позволила случиться такому? – Мы любим вас. Папа остался дома. Ты очень скоро его увидишь. У мамы новый дом. Сегодня мы едем туда. Мы чуточку там поживем. Жизнь там другая, но я думаю, что вам она понравится. Я надеюсь.

– Я хочу остаться в нашем доме. С папочкой.

– Хотеть папика, – заявил Санди, ничего не понимая, но, почувствовав общее уныние, он тоже заревел. Би с удовлетворением оглянулась на брата с сестрой.

– Ты разорвала пополам нашу семью, потому что злишься на папу. Ты ревнуешь.

– Нет, не ревную. Слушай, – сказала Джульет, еще крепче вцепившись в руль, словно в спасательный круг. – Мы можем вернуться в любое время.

– А как насчет папы? – спросила внезапно Би. – Что ты сказала ему?

– Не беспокойся, я все ему объяснила. Он... Би, он вас любит. Он все понимает.

Новая ложь. Они проехали Аксбридж, и А40 превратилась в автомагистраль. Дома стояли не так тесно, стало больше света, небо и земля начали – ну, совсем чуточку – открываться. Надо ехать дальше. Уже не так далеко.

Дорогой Мэтт.

Прости, что я делаю это в письме, но мне не хотелось делать это по электронной почте или по телефону, и я не могла сказать тебе это лично. Как ты всегда говорил, я трусиха. Я уезжаю от тебя и забираю с собой детей. Я объяснила это Бо, и она согласилась поехать со мной на лето и попытаться испробовать мой план. Если ей не понравится, она вернется в сентябре в Лондон и будет жить с тобой.

Соловьиный Дом теперь принадлежит мне, он снова вернулся ко мне, и я объясню это, когда мы поговорим, хотя я и сама не очень понимаю. Я хочу жить здесь и хочу, чтобы дети росли здесь. Би необходим новый старт. И всем нам тоже. Я уже навела справки – Айла и Би могут в сентябре пойти в местную школу. Как видишь, мне пришлось все планировать.

Я знаю, что у тебя роман с Тесс. Знаю об этом уже два месяца. Ты любишь ее или относишься к ней так же плохо, как ко мне? В последний раз было просто клише. Я нашла в твоём телефоне ту девочку, те снимки, ты клялся, что все позади. Я поверила тебе. Забавно, но на этот раз я действительно надеюсь, что ты любишь ее. Хотя на самом деле это действительно не имеет значения, не так ли? Я могла бы остаться с тобой, потребовать развод, позволить детям провести еще год в этом несчастливом доме, где ни в одну из комнат никогда не заглядывает солнце, могла по-прежнему посылать Би в мир, где ее унижают и бьют каждый день, а мы с тобой вели бы унылые позиционные бои за место под солнцем. Но у меня не было сил на это.

Ты больше не любишь меня, не любишь уже давно. Так что я не беспокоюсь, что ты будешь скучать по мне. Я знаю, что ты будешь скучать по детям. Ты сможешь поговорить с ними сегодня вечером и вообще в любой вечер. Я знаю, что ты их любишь.

Очень важно, чтобы ты понял одну вещь: это не я оказалась снова глупой идиоткой. Это ты сделал меня несчастной. Я-то считала, что материнство лишило меня уверенности в себе, пришибло и ввергло в уныние, но это не так, все дело в нас. Даже если бы не было Тесс. Временами, заходя в дом, я ощущаю в воздухе что-то неприятное, гнилое, мертвое. Я не хочу, чтобы дети росли в такой атмосфере.

Я не думаю, что при нашей встрече мы были такими людьми, какими себя считали, и, пожалуй, все началось с того вечера. Но я любила тебя, Мэтт. Ты сделал мою жизнь интересной. Ты повысил мою самооценку. Ты сравнил меня с героиней викторианского романа, перенесшейся в наши дни, а потом ты сказал, что хочешь быть рядом со мной всю жизнь. Ты помнишь? Как мы гуляли по Камдену, потом ели карри и шли домой, и была Ночь Костров. После этого я много недель вспоминала тот вечер. Но мы постепенно превратились в тех, кто мы сейчас, и у нас уже все плохо. Лучше уж нам больше не лгать друг другу. В самом деле. Удачи тебе, Мэтт. Спасибо тебе за детей.

Джюльет.

Глава 7

Когда они доехали до длинной прямой дороги, начинавшейся от деревни Годстоу, у Джульет болели руки, потому что она слишком крепко сжимала руль. Она уже забыла, какая неровная там дорога; «Шкода» запрыгала, потом ее слегка занесло на зеленом тенистом берегу.

Мимо нескольких домов для бедняков, которые Далбитти построил через год после того, как они поселились в доме. Мимо маленького почтового ящика, устроенного в стене, из которого, как говорила ей бабушка, Санта-Клаус сам забирал письма. Мимо старинной церкви и кладбища, где под полуденным солнцем надгробья казались серебряными. Ее прадед Нед и прабабка Лидди были похоронены там в одной могиле. Рядом с ними покоились их дети, ангелочки со сложенными крыльями. Было время, в ее детстве, когда к воротам был прибит щит, указывавший многочисленным посетителям дорогу к могиле знаменитого Хорнера, чтобы сотни пар ног не вытаптывали нежные лишайники в других частях кладбища. Но уже много лет этого нет – о Неде Хорнере забыли все, кроме коллекционеров, до минувшего мая, когда на аукционную продажу был выставлен его эскиз. Джульет и Эв развлекались, направляя поклонников Хорнера не в ту сторону. Первую монету-фунт, которую она увидела в своей жизни, им подарил американский турист за то, что они провели его к знаменитой могиле.

За церковью нужно было свернуть к дому круто вправо; она никогда этого не делала на «универсале» и немного застряла, маневрируя назад и вперед. Ей посигналил забрызганный грязью черный вэн «Мерседес», и Джульет сердито посмотрела на него. Вэн поравнялся с ней, и сорокалетний мужчина с короткими, подернутыми седinouй волосами опустил стекло.

– Что такое! – сердито обругала его Джульет. – Дайте мне минуту!

– А-а. Я лишь хотел спросить, не нужна ли вам помощь, – довольно резко ответил он с легким шотландским акцентом.

– О... – Джульет открыла было рот, но вэн уже резко сорвался с места и уехал в облаке пыли. – Лужи с грязью! – с восторгом воскликнула Джульет, когда «Шкода» медленно ехала по разбитой дороге. – Гляди, Санди, какие лужи!

Но Санди спал с высохшими дорожками слез на раскрасневшихся щеках, Айла молчала, грызла большой палец, крутила пряди волос и бесстрастно глядела в окно. Би яростно тыкала пальцами в телефон.

– Тут даже нет приема, господи. *Господи*.

Джульет проехала через выбоину, машина резко дернулась, Санди проснулся и стал реветь. Айла беззвучно зарыдала, а Би сгорбилась на переднем сиденье и натянула на голову капюшон. Последний поворот – и дом предстал перед ними.

Ему было две сотни лет, но он мог стоять там всегда, мощный дом из золотистого котсуолдского камня. Он был довольно узким и поэтому казался высоким с его тремя этажами. Крыша сверкала на солнце. Тот, кто построил дом для местного священника, когда дотла сгорел старый викариат, стоявший по другую сторону от церкви, сделал его массивным, прочным, способным выдерживать суровые ветра и зимнюю стужу. А Далбитти, перестроивший дом по просьбе прадеда и прабабки Джульет, разделил дом на комнаты, облицевал их деревом, сделал шкафы, очаги и лестницы, что-то оштукатурил, настелил паркет, короче, превратил дом в великолепный дворец, экзотическое украшение английского ландшафта. Джульет всегда любила этот первый взгляд на дом, на эту смесь разных стилей, на Голубятню, на окна...

Дети медленно вылезли из машины и глядели по сторонам с опаской и удивлением. Из дома донесся стук.

– Там призраки, – сказала Би младшим. Санди остекленел. Айла машинально кивнула и пошла в сторону сада, начинавшегося на склоне под террасой.

– Я хочу чуточку оглядеться, – сказала она и сунула руки в карманы платья-сарафана.

Джульет посмотрела ей вслед, понимая, что Айле нужно немного побыть одной. Потом она с учащенно забившимся сердцем перевела взгляд на дом. Увидела женскую фигуру, которая мыла шваброй пол в столовой, и сказка улетучилась: дом был обитаемым, реальным, принадлежал ей.

Она вздохнула полной грудью, так, словно долго-долго не дышала полноценно. Она ощущала запах роз, жимолости, лаванды – именно лаванда больше всего напоминала ей о бабушке. *Я в самом деле вернулась сюда*, – сказала она себе, глядя на горизонт, на своих детей, которые печально бродили по заросшим дорожкам.

* * *

– Ох, только я решила убраться в доме, а вы и приехали, – сказала миссис Бидл, двигая по деревянному полу ведро и швабру. Наверху раздался грохот и топот ног – это дети обследовали верхние этажи. Миссис Бидл взмахнула правой рукой: – Я ведь не знала. Никто мне не сказал, когда вы приедете. Если бы я знала, что сегодня, то...

– У нас изменились планы, – ответила Джульет. – Простите. Мы прибыли раньше, чем я планировала.

– О. – Мисс Бидл сокрушенно покачала головой: – Ну не буду тебе лгать, дом, конечно, нуждается в ремонте. Крыша почти прохудилась, черепица падает на землю чуть ли не каждый час, вы и сами услышите. Походит на дождь. В дымовых трубах птицы свили гнезда. Кухню не ремонтировали много лет.

Джульет сунула голову в маленькую темную кухню, длинную и узкую, с маленьким проходом под лестницей, который вел в столовую. Там ничего не изменилось со времен бабушки, вплоть до ручек шкафов.

– Напомните мне, кто были люди, купившие дом после смерти бабушки? Мистер и миссис Уилсон.

Миссис Бидл с любопытством посмотрела на нее:

– Уолкеры. Жили здесь на пенсии. Из Букингема. Приятные такие. Вероника Уолкер ухаживала за цветами в церкви. По-моему, дом был для них великоват. Дело в том, что у них не было детей, а ведь этот дом оживает именно при детях. Но сад они любили. Держали его в таком же порядке, как и при твоей бабушке. Ну, ты сама видишь.

– О да, – сказала Джульет.

– Ты сколько времени тут не была?

– Со смерти бабушки. Пятнадцать лет.

– Вообще не приезжала? А ведь маленькой ты все время жила здесь, я хорошо помню, словно это было вчера.

– Один раз я проезжала мимо, в темноте, – сказала она и вспомнила ту поездку, позднюю обратную дорогу после оценки красивого старинного особняка к западу отсюда, мясистую руку Генри на ее коленке. Она торопилась домой к детям, но все же солгала Генри насчет дороги, чтобы проехать тут, мимо Соловьиного Дома. Но было слишком темно, и она ничего не увидела, даже каменных соловьев на крыше. – А так больше ни разу. Зато теперь я здесь!

– Зимой тут тяжело, – мрачно заметила миссис Бидл.

– О, я уверена, что все будет нормально. Дом крепкий, старинный, он всегда был надежным, – сказала Джульет, стараясь придать своему голосу беспечность. Между тем голоса детей звучали немного громче. Ей хотелось поскорее пойти к ним. – Преподобный Миртл построил его на века. Ведь что там написано над дверью? «Храни нас рать небесная в этих стенах».

Эв любил шутить, что «нас» и «рать» звучит как «насрать». Они не могли войти в дверь без истерического хохота. Ах, то лето, когда Эв до тошноты объелся черникой, когда бабушка возила их на морской пляж, – какой это был пляж? И они нашли там «кошелек русалки» –

яйцевую капсулу ската – и морского ежа. Еще они играли в то лето в карты в «пьяницу», а бабушка все больше и больше сердилась на них обоих, особенно на Джульет.

– Перестань принимать все как должное, – крикнула она однажды. – Ты никогда не спрашиваешь меня ни о чем. Вам плевать на все, маленькие поросята. Вы ничего *не знаете*.

Джульет зашла в большой холл и взглянула на широкую лестницу, на световой колодец над головой. Ее ладонь лежала на вырезанной из дерева маленькой белке, украшавшей опорную стойку перил.

Через неделю после гибели картины Нед умер от «испанки». От нее умирали тысячи людей как в стране, так и по всему миру. Покойника положили в Голубятне, и он лежал там до дня похорон, когда гроб перенесли из его мастерской в этот круглый холл, наполненный светом, лившимся из светового колодца.

Лидия, вдова художника, вся в черном с головы до ног, стояла отдельно от всех, слегка отвернувшись, словно не могла выдерживать все это, а когда гроб выносили из дверей, она резко повернулась и откинула с лица вуаль.

– *Нед!* – закричала она и ударилась спиной о полукруглую стену холла. – *Это было все, что оставалось мне от них. Только это осталось от них. Зачем ты их сжег? Я проклинаю тебя, Нед. Проклинаю!*

По словам бабушки, несших гроб мужчин так поразили слова Лидии, что один или двое оглянулись, гроб выпал из их рук и со стуком ударился о черно-белые плиты пола, и две из них треснули. Один из носильщиков отказался нести гроб дальше и участвовать в похоронах человека, проклятого собственной женой, и поэтому оставшиеся несли гроб втроем, нечетное число.

Плитки, на которые упал гроб, так и остались с бурными трещинами, с годами они слегка расширились. Джульет посмотрела на них. У нее встали дыбом волосы. Фигуры из прошлого, члены семьи, заблудшие души стремились поведать ей свою историю, рассказать о разных вещах.

Миссис Бидл оперлась о швабру.

– Ты знаешь кого-нибудь из нынешних соседей?

– Ну Фредерика. Но я тоже не видела его много лет.

– А, того хозяина антикварной лавки на Верхней улице? Ты встречалась с Джорджем?

– Кто такой Джордж?

– Значит, ты не видела Джорджа, – мрачно сказала миссис Бидл. – А про встречи Союза Фермеров слышала? Знаешь что-нибудь об этом? Они забавные, озорные, придумывают всякую всячину.

– Я ведь не фермер.

– Милая, по-моему, их это не колышет. *Знаешь, их прогнали из «Короны» после того, что случилось вечером в праздник Гая Фокса. Там не было никаких требований и призывов, вообще никаких, и того парня из Германии должны судить.*

– А что случилось в тот вечер? – в ужасе спросила Джульет. – И что за немец?

– Ну раз ты ничего не слыхала, то я не буду сейчас рассказывать. А кого еще ты знаешь?

– Я уверена, что вспомню еще несколько старых лиц. Послушай – а как там поживает Бренда, которая сидела в газетном киоске?

– Умерла.

– Ой. О господи. А Гордон, мясник?

– В тюрьме. – Миссис Бидл многозначительно похлопала по своему носу. – Теперь у нас вообще нет мясника. Там сейчас благотворительный магазин.

– Ой, о господи.

– Там продаются симпатичные открытки и оберточная бумага очень приличного качества... А знаешь, викарий ушел от нас... У него был нервный срыв.

– Это чудесный Леонард? О, он был такой добрый. Как жалко. Надеюсь, у него все в порядке.

– Лайонел, ты его имела в виду? Нет, не он. После него было еще два. Теперь у нас один викарий на семь приходов.

– На семь? – удивилась Джульет. – Как же такое возможно?

– Слушай, милая моя, – сказала с удовольствием миссис Бидл. – Времена теперь другие, не такие, как при жизни миссис Стеллы Хорнер. А ты что думала? Что вернешься в прежнюю жизнь? Не-ет, сейчас многое поменялось. То, что было, давно ушло.

– Да, – согласилась Джульет и посмотрела на треснувшие плитки, черную и белую. – То, что было, давно ушло.

Голос миссис Бидл внезапно помягчел:

– Но все-таки остались люди, которые тебя помнят. Ты была милой девчушкой и целыми днями бегала по саду с мальчишкой Оноров... – Она кивнула ей. – Вот ты кого знаешь! Адайр Онор.

– Мать Эва. Я не видела ее много лет.

– Что ж, она будет рада твоему возвращению. Она такая же чокнутая, как и была. Постоянно скучает по сыну.

– По Эву? Где он сейчас?

Миссис Бидл пожала плечами:

– Я-то думала, что ты лучше меня знаешь.

Джульет покраснела.

– Вообще-то, мы не общались. Но я позвоню ей. Мне будет приятно повидаться с ней.

– Позвони, конечно. Ну вот ты и приехала. Ой, твоя бабка радуется на небесах, что ты вернулась сюда. Как она всегда говорила о тебе! А вот твой бедный отец никогда доброго слова от нее не слышал. – Наступило неловкое молчание. Миссис Бидл решила, что проявила бестактность, и свернула на другую тему: – И что ты собираешься тут делать целыми днями?

Джульет вспоминала Грэнди. Как она раскидывала руки для объятий, когда Джульет бежала к ней в конце дня. Вспоминала ее низкий, твердый голос, читавший сказки. Ее большие руки, достававшие из влажной земли луковицы или клубни картофеля.

– Я... я пока не знаю. В мае я осталась без работы. Мне нужно найти что-нибудь через пару месяцев. А пока я займусь домом, устройством детей...

– Ну на это у тебя уйдет пара недель, – сурово сказала миссис Бидл. – Прости любопытную старуху, но, вообще-то, дел тут невпроворот. А что твой отец? Он не собирается приехать и помочь тебе?

– Собирается, но позже, – ответила Джульет. Беседуя с миссис Бидл, она невольно глядела по сторонам. В доме мало что изменилось. Она вернулась. – На следующей неделе у мамы операция на коленке, и они приедут, когда она поправится.

Внезапно сверху донесся пронзительный визг.

– Боже, что там? – пробормотала она, прислушиваясь к топоту ног.

– Фу! Мышь! Как противно!

– А я люблю мышек! – тихо заявила Айла за спиной старшей сестры. – Не обижай ее, Би! Или его! Отпусти! Может, у нее гнездо с малышами... Перестань!

– Маааааа! – Потолок вибрировал от бегущих ног Санди. – Хотеть маааааа!

– Ма. – Би стояла наверху лестницы, скрестив руки и сердито глядя вниз. – Мы видели мышь.

– Ну... – Джульет виновато улыбнулась, словно мышь появилась в доме исключительно по ее недосмотру.

– Я не намерена спать там, где бегают мыши, понятно?

Миссис Бидл сначала тихонько хмыкнула, потом расхохоталась так, что заходило ходунном ее массивное тело.

– Ой, ты смешная. Это Би?

– Что такое? – сердито спросила Би, повернув к ней лицо. На ее щеках горели красные пятна.

– Би, – резко оборвала ее Джульет. – Не груби. Извинись.

– Извините, – пробормотала Би, густо краснея.

– Ладно, ничего страшного, – ответила миссис Бидл и посмотрела на детей. – Послушайте старуху, детки, ладно? Деревенские мыши совсем не такие, как городские. Деревенские мыши не доставят вам неприятностей. Они прибегают сюда с зернового поля. В сентябре их особенно много. Да, деревенские мыши, не городские. Они приятные зверьки. – Дети, насупившись, ушли в гостиную, а она повернулась к Джульет, тащившей сумку через холл: – Когда приедет твой муж?

– Мы расстались. – Джульет поняла, что не может смотреть в глаза миссис Бидл. – Отчасти поэтому я поняла, что могу приехать сюда, когда Уолкеры продали дом.

– О Джульет, извини. – Миссис Бидл положила большую руку на локоть Джульет, и сухое тепло ее ладони, доброта в ее голосе казались почти невыносимыми. Старуха убрала руку и сказала, словно спохватившись: – Вообще-то, они не продали его.

– Нет-нет, они продали его пару месяцев назад.

– Нет. Они арендовали его.

Джульет пожала плечами – мол, какая разница, – но тут же нахмурилась, когда до ее сознания дошел смысл тех слов.

– Что?

– Они не были владельцами. Я точно знаю, потому что они говорили мне об этом. Их просто попросили покинуть дом.

– Что?

– О да. Она, миссис Уолкер, сказала мне об этом на Верхней улице. Она сказала, что кто-то словно наблюдал за ними. Появился как раз вовремя и сказал, чтобы они освободили дом. Потому что они уже не могли справиться с домом и садом... Она сказала, что для нее это огромное облегчение и что они с радостью вернуться на старое место. О, у них где-то неподалеку есть приятное бунгало. Они оставили свой адрес, я сохранила его для тебя.

Джульет опять удивилась:

– Что? Но ведь он был продан после смерти бабушки.

– Теперь ты владелица дома, правда?

– Да. Так мне сказали. – По спине Джульет медленно побежали мурашки. – У меня есть документы на дом. Просто... интересно, кому принадлежал дом. Кто отдал его... мне.

– Не мое это дело, милая моя.

В гостиной раздался крик:

– Ма! Что это за штуки на камине?

– Какие штуки?

Би появилась в дверях:

– Куклы! Такие же, как в кукольном домике.

– Я видела их, – сказала миссис Бидл. – Еще удивилась, кто их туда поставил.

Джульет зашла в гостиную. Там, на большой каминной полке, стояли две куклы. Они были связаны куском бечевки. Обычной кухонной бечевки. Еще они были завернуты в небольшой листок бумаги.

– Куклы из кукольного домика, – прошептала она, и ей вдруг сделалось страшно, хотя она и не понимала причину. – Это Лидди. Это Нед.

– Кто?

– Он сделал их для нее. Когда-то я играла в них. Не видела их много лет...

Изысканная прическа куклы Лидди, аккуратные кольца волос, выцвела и стала цвета платана. Одежда, которой Джульет любовалась в детстве, сохранилась лучше: элегантная блузка из тонкого хлопка и зеленая бархатная юбка, крошечная брошь-камея, подвижные руки и ноги, лицо с крошечными каплями глаз из голубого стекла. Кукле-Неду с остроконечной темной бородкой и кистью в одной руке (щетина выпала из нее давным-давно) повезло меньше: его черный костюм проела моль и он был совсем ветхим.

Джульет знала эти фигурки почти так же хорошо, как собственных детей, но не видела их уже много лет. Сколько же? Тридцать – тридцать пять?

Миссис Бидл извинилась:

– Пойду-ка я заканчивать уборку.

Джульет рассеянно кивнула и дрожащими пальцами развернула листок.

Я опять вернула Неда и Лидди в их дом.

Шум за спиной заставил Джульет вздрогнуть; она уронила фигурки на пол.

– Что это? – спросила Би у нее за спиной. Она подняла фигурки и стала их рассматривать.

– Они из кукольного домика, – ответила Джульет и перевернула записку.

Дорогая моя Джульет.

Я отдаю тебе этот роскошный дом. Оглянись по сторонам.

Знай, что, поселившись здесь, ты продолжишь линию женщин, восходящую к моей собственной прабабке Элен, чей отец построил этот дом. Его звали преподобный Дэвид Миртл.

Он построил новый дом викария на месте старого. Здесь росла его дочь Элен. У нее было трое детей: Руперт, Лидия (моя мать) и Мэри. Я рассказывала тебе, что у Лидди было ужасное детство, когда Элен умерла от оспы. Нед Хорнер выкупил этот дом для своей Лидди, и они жили тут всей семьей. Я родилась через шесть месяцев после смерти отца. Мы с Лидди жили тут одни – но мы были не одни! Джульет, в нижнем конце сада жили эльфы. Они играли по ночам, когда думали, что я спала.

За эти последние месяцы я исписала маленькую тетрадочку, прогоняя зимнюю скуку. Ты можешь пользоваться ею как справочником. Она откроет тебе кое-какие секреты этого дома, о которых ты не знала.

Ты была чудесной девочкой, и я любила тебя. Знаешь что? Найди свой собственный путь в жизни, дорогая моя. Он там есть, если ты приглядишься внимательно.

Любящая тебя бабушка,

Стелла Хорнер.

А ниже было написано торопливым почерком:

Я не сошла с ума, Джульет, дорогая моя, хотя и была зачата в безумную ночь, и они хотели довести меня до безумия. Я хочу сказать тебе то, что думаю. Я думаю, что они солгали мне. Я уверена, что картина не сгорела. Я думаю, что ее украл мальчишка. Я думаю, что она где-то в доме.

– Что она имеет в виду? – Би читала записку, заглядывая через плечо матери. – Какая картина? Какой мальчишка?

Джульет отошла, словно оберегая секрет.

– Не знаю.

На камине лежала старая школьная тетрадь в линейку, исписанная убористым бабушкиным почерком. С нарастающим в душе беспокойством Джульет перелистала ее. *«Март... Все весенние луковицы высажены, Джульет?.. Июль... Лавандовым маслом можно лечить солнечные ожоги... подпорки для георгинов. Сорви яблоки. Посади морозостойкие однолетние растения. Почисти Птичье Гнездо».*

Пораженная, она положила тетрадку. Внезапно она словно услышала ее. Увидела ее, стоящую в дверях, подбоченясь, расставив ноги, высокую, стройную, с орлиным носом и широко расставленными темными глазами, с аккуратной короткой стрижкой, где не сбивался ни один волосок.

– С возвращением домой тебя, милая, – говорила она. – Рада тебя...

Духи, призраки, эльфы и все прочие, казалось, заявляли о себе громче обычного, их присутствие сдвигало границу между прошлым и настоящим. Джульет свернула записку, взяла тетрадь, казавшуюся тяжелой от чернил и бабушкиных инструкций, и сунула в карман джинсов. В дверях стояла, скрестив руки, Айла и смотрела на мать.

– Доченька, иди ко мне, – сказала Джульет и обняла ее.

– Я хочу к папе, – сказала девочка очень тихим голосом.

Джульет на мгновение закрыла глаза, потом поцеловала мягкие волосы дочери.

– Я знаю, милая. Папа в Лондоне. Теперь это наш дом.

Она села на корточки. *Теперь я главная. Мне нельзя прятаться ни от чего.* Она снова обняла Айлу и посадила на колени Санди. Потом жестом позвала Би, и старшая дочь села на пол и погладила брата по голове.

– Это Лидди, – сказала Джульет, взяв у Би куклы. – А это Нед.

– Он был художником? – спросила Айла, вынув изо рта большой палец.

– Да. Гранди рассказывала мне про него и Лидди, когда я не могла заснуть. – Джульет смотрела на вырезанное из дерева лицо Неда, на его кисть, на древесный рисунок, который шел почти вдоль его носа. – Я не вспоминала их много лет. – Теперь она поняла, что думает о Неде прежде всего как о художнике. – Я знаю все о них. О Лидди, ее сестре Мэри, как они жили в этом доме.

Входная дверь захлопнулась от внезапного порыва ветра. Санди с Би вздрогнули. Айла не пошевелилась.

– Значит, он жил здесь?

– Да. Они оба. Много-много лет, и у них была счастливая жизнь. Пока не... хотя я точно не знаю. – Джульет встала, держа за руки младших детей. – Давайте достанем из машины сумки и будем пить чай.

– Что с ними случилось потом?

Джульет снова посмотрела на фигурки, потом на сад.

– Вообще-то, я точно не знаю. Бабушка мне не рассказывала.

Глава 8

Май 1891. Хайгейт

– Вы выпьете чаю, мисс?

– Ой, тише-тише, пожалуйста, минуточку, дорогая Ханна! Одну минуточку...

Мисс Мэри Элайза Дайзарт, четырнадцатилетняя барышня с элегантной фигуркой и изящными ножками, привстала на цыпочки и, слегка отодвинув тяжелые шторы из синего бархата с золотыми узорами, смотрела в открытое французское окно гостиной в Сент-Майк-Хаус на лежавший за ним сад. Ее каштановые локоны, которые ей, в отличие от ее сестры, никогда не нужно было завивать на противных папильотках, падали на плечи и блестели в солнечных лучах. Мэри наклонилась вперед, и ее хрупкая фигурка, казалось, пульсировала от напряжения. Ханна, ее любимая служанка, терпеливо ждала в дверях.

Узкая и прямая дорожка вела от дома в сад, обрамленный подстриженными кустами. Первые розы, нежно-лимонные и ярко-розовые, цвели вдоль дальней стены, грозя нарушить строгие линии сада, к досаде садовника Крэбтри. Мистер Дайзарт устраивал ему взбучку, если видел где-нибудь веточку, торчавшую из низких кустов, их надлежало подстригать в летние месяцы два раза в неделю. Мистер Дайзарт любил порядок. «Сад должен быть укрощен, – говорил он садовнику, щелкая серебристыми ножницами. – Мы властелины земли и неба, Крэбтри. Не забывай об этом».

А вот за украшенной розами стеной властвовала смерть, так как в десяти ярдах от сада начиналось Хайгейтское кладбище; оно существовало там уже пятьдесят лет, но по-прежнему считалось в Лондоне самым престижным местом упокоения. Из задних комнат на втором этаже, особенно из спальни Руперта, брата Мэри, видно было все обширное пространство кладбища – склепы, уходившие в холм, Египетская аллея с величественными каменными воротами и колоннами, украшенными резьбой, неровные ряды надгробий, пышных и скромных, торчавших из темной земли словно серые зубы. В любое время дня с кладбища доносилось шарканье похоронных процессий, слышались приглушенные рыдания, когда гроб, часто очень маленький, опускали в землю.

Барышни Дайзарт часто прятались у Пертви в его Берлоге от их гувернантки, мисс Брайант. Когда-то она часто лупила Руперта палкой и запирала в темном чулане за его проказы, но в последние годы она обращала на него гораздо меньше внимания. Пертви исполнилось восемнадцать лет, и он учился в Королевской Академии. Он вышел из-под ее власти и мог приходить и уходить, когда хотел. А сестры смотрели из его спальни на похороны и оценивали их пышность по десятибалльной шкале.

Их мать Элен была похоронена на этом кладбище в свинцовом гробу из-за погубившей ее оспы. Поначалу им надлежало ходить к ее могиле каждое воскресенье. Позже они почти перестали ее навещать, и Мэри даже не была уверена, что найдет могилу матери. Отец часто повторял, как им повезло, что мать похоронена тут, в приличном месте, а не на ужасных кладбищах в Сохо или Сент-Панкрас, где ужасная вонь и орудуют похитители трупов. На ее могиле лежал небольшой кусок мрамора с именем и датами рождения и смерти. Рядом с высеченными из камня огромными песочными часами или надломленными колоннами могила матери казалась такой... незначительной. Но это было не так, во всяком случае для них.

Пертви никогда не говорил о матери. Лидди хорошо ее помнила. Она вспоминала, как играла в кукольный домик, сидя у нее на коленях, на ее широкой юбке, пахнувшей лавандой, и мать рассказывала ей о своем детстве и сестре Шарлотте. О церкви рядом с домом. О соловьиных трелях в мае и июне. О том, как они гоняли палкой обручи по периметру их нового дома, и

о заледеневших стеклах в зимнюю стужу. Однажды, когда она была маленькая, ее отец, викарий церкви, той, что рядом с домом, подарил ей стеклянный шар – большой, внутри фигурки людей на катке, – за которым посылал в Лондон. Еще мать вспоминала, как однажды лисица оторвала голову цыпленку, как в живой изгороди свернулась в клубок соя, как вокруг будлеи, обрамлявшей огород, летали десятки бабочек. «Да, мы ели собственные яблоки, картошку, курятину и баранину... – рассказывала мать, а маленькой Лидди хотелось маленького ягненокка. – Когда-нибудь, моя радость, я отвезу тебя туда».

Увы, их мечты были напрасными. Однажды мама и Лидия остановились на Хит, чтобы помочь молодой женщине, звавшей на помощь. Нянька ребенка той женщины билась в припадке на земле. Мама отвела девочку – той было лет тринадцать-четырнадцать – на Хэмпстед-роуд, поддерживая ее за талию, а мать с малышом, рыдая, шли за ними. Потом Мэри часто думала: кто была та леди? Почему сама она не могла помочь своей служанке? Почему именно мама решила им помочь?

Через два дня мама и Мэри заболели, но Мэри выжила. Сначала их лечили вместе, но потом Мэри унесли из маминой спальни. Мама кричала, просила не разлучать ее с дочкой. Мэри помнила это. Сама Мэри едва не умерла, но все же поправилась, и теперь о той страшной болезни напоминали ее оспины на лице.

В детстве Мэри боялась внимания окружающих, чужих взглядов, была замкнутой, а еще ее жалели больше других, ведь она чуть не умерла. Поэтому все считали Мэри самой кроткой из трех детей Дайзарта. И это было странно, ведь ее мать всегда говорила, что Мэри создаст много проблем. «Мэри все перевернет, – вспоминала Лидди слова мамы. – Мэри изменит порядок вещей».

Да и сама Мэри не чувствовала кротости в своем характере. Конечно, она жалела голодных собак, которых Пертви дразнил кусочками мяса, писала письма своей тетке, слушала бесконечные отцовские истории о его учебе в адвокатуре, о том, как его исключили, как с ним грубо обращались коллеги из его адвокатской конторы, как он прозорливо купил долю в производстве карболового мыла, как прозорливо сделал предложение мисс Элен Миртл вскоре после того, как умерла ее тетка и оставила ей и ее сестре львиную долю своего состояния. «Я опередил моих соперников, вот в чем дело», – хвастался он дочери, поглаживая бакенбарды. Мэри подозревала, что отец просто забывал, кто она, когда говорил такие вещи.

Кукольный домик стоял в детской. Мама часто открывала его, и они все вместе играли, зажигали очаг, Ханна подавала хлеб с маслом и джемом. После смерти мамы отец решил нанять для детей гувернантку. Он заявил, что дисциплина им не помешает. Так в их доме появилась мисс Брайант. Вскоре после этого Лидди нагрубила ей, когда та не позволила ей густо намазать джемом тост, и кукольный домик был перенесен в гостиную; детям теперь позволяли играть в него только по воскресеньям. Все остальные дни недели они лишь с тоской смотрели на него. При этом гувернантка повторяла, что они счастливые дети, раз у них есть такой домик.

Через несколько недель она сожгла другие их игрушки – деревянного попрыгунчика Пертви, тряпичную куклу Лидди и волчок Мэри – и заявила, что им еще повезло, раз у них раньше были эти игрушки, и что они должны научиться не роптать.

Еще им повезло, сказала она, что их покойная мать лежит так близко и они могут молиться за спасение ее души.

(«Такая жалость, – Мэри слышала, как тетя Шарлотта сказала это Ханне в один из ее последних визитов к детям бедной сестры, – они окружены всей этой смертью, как досадно!»)

В тот майский день так многое зависело от исхода этой небольшой прогулки по саду. Стараясь не обращать внимания на шорохи кладбищенских деревьев, наводивших на нее страх даже днем, Мэри напрягала слух, чтобы разобрать, о чем говорила шедшая впереди нее пара.

У джентльмена остались давно позади волнения юности. У него были важные манеры, прямая как палка фигура в черном сюртуке и шелковый цилиндр, его седеющая, навошенная шевелюра переходила в пышные бакенбарды. Это был Хайворт Ронсли, лучший друг отца Мэри еще с учебы в Оксфорде. При ходьбе он наклонял голову к юной фигурке, шедшей рядом, слегка, из-за рискованно балансировавшего пенсне. Это была, конечно, Лидди. Словно гибкий стебелек, она изогнулась и старалась ловить каждое его слово, ее милое личико повернулось к нему, как цветок к солнцу.

Мэри с беспокойством наблюдала за ней. Она обожала сестру больше всего на свете и давно уже поняла, что ей придется покинуть этот дом, чтобы выжить. Если этого не сделать, с ней что-нибудь случится. Она точно это знала.

– Нет, дитя мое, – проговорил Хайворт Ронсли в ответ на какое-то замечание Лидди и после этого взял ее руку в свою, ласково сжав ее тонкие пальцы, облаченные в перчатку. – Ах! Моя невинная крошка!

– Но... – Сестра что-то ответила ему и улыбнулась. Лента, убиравшая от лица ее старательно завитые волосы, слегка сбилась, и локоны упали на щеки Лидди. Мэри похолодела – Брайант наверняка разозлится, увидев такую вольность, но Лидди, казалось, ничего не замечала. Она никогда не боялась наказаний и переносила их легче всех. Всегда, с тех пор как ее оторвали от матери, сломав плечо; оно было почти безжизненным, как у куклы, с восторгом рассказывала им Ханна: «Иссиня-зеленое плечо, руки как веточки, ужас да и только. И ты просто лежала, маленькая, тихая! Плечо-то наверняка страшно болело, но ты никогда не плакала, никогда!»

На только что поглаженном платье Лидди появилось пятно от травы, щека чуточку испачкалась. *Ох, Лидди, накажет она тебя на этот раз.* Мэри отвернулась, не в силах смотреть на сестру. Ведь она наверняка даст согласие, если он сделает ей предложение. А сегодня он сделает его, это точно...

Этим утром они сидели на кровати Мэри и говорили о маме. Мэри наматывала волосы Лидди на папильотки.

– Ей нравился Хайворт? – спросила Лидди, грызя ногти, пока Мэри туго завязывала полоски ткани. – Если это правда, то он мне тоже понравится.

– Да, нравился, но... – Мэри пожала плечами. – Хотя и верно, что он был лучшим другом отца и другом семьи, но, по-моему, это еще не значит, что он станет хорошим мужем для его дочери. Все-таки... – Она замолчала.

– Но это не значит, что он *не* станет им, – сказала Лидди, повеселев, поскольку она все утро нервничала, вздрагивала на любой звук – накануне вечером Брайант обнаружила, что Лидди смотрела в окно, хотя должна была лежать в постели, и после этого у нее так болели и хрупкие ребра, и нога, что она не могла заснуть. Мэри, рассматривая утром ее синяки, вновь почувствовала приступ гнева и стыда и, хотя была почти на два года моложе своей безрассудной сестры, желание защитить ее, потому что Лидди, казалось, сама провоцировала все побои и унижения.

В прошлую зиму она набралась смелости и пожаловалась отцу об этом, отважившись зайти в его кабинет холодным январским вечером. Но он лишь отмахнулся. «Все будет хорошо, моя милая», – сказал он, словно речь шла о сломанном колесе или разбитой тарелке. Но на следующий день он, вероятно, поговорил об этом с Брайант, потому что на террасе появилась глубокая миска с водой, и она подернулась льдом. Она стояла в таком месте, где Лидди могла ее видеть во время уроков, а вечером гувернантка макнула девочку лицом в эту воду и держала столько, что Лидди потеряла сознание.

Поэтому хотя Хайворту Ронсли было пятьдесят, а Лидди только шестнадцать, хотя он слишком часто облизывал губы и смешно шепелявил, хотя слишком грубо сжал узкую руку

Лидди, как показалось Мэри, и хотя после свадьбы он увезет Лидди, ее любимую сестру и самую дорогую в мире подругу, куда-то в Пертшир, где она будет вести хозяйство и ухаживать за его прикованной к постели матерью, Мэри была уверена, что это было для нее безопаснее, чем оставаться в Сент-Майкл-Хаусе с Брайант. Мэри надеялась, что ее страстная, импульсивная сестра не останется равнодушной к мистеру Ронсли, что ей понравится его общество, его доброта, что он будет баловать ее... *О Господи, хоть бы он оказался добрым! Прошу Тебя!* Часто, когда кто-то тарасил на нее глаза на улице, или когда ребенок с криком показывал пальцем на оспины на ее лице, или когда люди улыбались ей чересчур ласково, Мэри хотелось остановить их и сказать:

Я рада этим оспинам. Я боюсь, что они, как говорит моя сестра, начнут бледнеть и исчезать, потому что с ними я неприкасаемая. Я защищена от внимания мужчин. Неужели вы не понимаете? Мне повезло, и я счастлива.

Шум и крики в холле резко оторвали Мэри от ее размышлений. Она заморгала, отвернулась от гулявшей в саду пары. Крики сделались громче, и Мэри поспешила к дому, поправив свой кружевной воротник и разгладив руками юбки. По дороге она остановилась и закрыла кукольный домик.

– Господи, Пертви, – сказала она, входя в холл. – В чем дело? Ты потревожишь отца.

– Отец не будет возражать! – заявил ее брат с раскрасневшимся лицом. Он бросил на нее быстрый взгляд, один из их секретных взглядов, в которых стыд и ужас смешивались с алкоголем; ее сердце пронзила боль, словно на рану капнули лимоном. Но Пертви мгновенно стал снова веселым и обаятельным. Он швырнул на вешалку свою шляпу-котелок. – Нед! Будь другом, повесь мою шляпу, ладно? И Далбитти тоже!

– Черт побери, Дайзарт! Я тебе не слуга, – воскликнул вышеупомянутый Нед и швырнул шляпу в Руперта. Тот громко загоготал.

– Нед неотесанный и грубый парень, Мэри. Самый главный грубиян! Но гляди, я давно обещал тебе, что приведу его к нам, и, видишь, привел, правда? Нед, возьми себя в руки. Сейчас я вас представлю. Далбитти, ведь ты не знаком с моей сестрой Мэри, верно?

Высокий молодой джентльмен, выпутавшись из шарфа, посмотрел на Мэри, явно смутился, похлопал по жилету длинными пальцами, моргнул несколько раз и протянул ей руку, глядя в ее твердые карие глаза.

– Здравствуйте, мисс Дайзарт. Оч-чень рад познакомиться. Очарован.

– Здравствуйте, – ответила она, стараясь не краснеть, когда он тряс ее руку. Она уже видела его однажды, он заходил к брату перед прогулкой по Хит. Это был Люшес Далбитти, учившийся вместе с ее братом живописи в Королевской Академии искусств, хотя недавно решил специализироваться на архитектуре.

Ей нравился Далбитти, нравилось, что его глаза смотрят прямо на нее, на ее обезображенное оспой лицо, а не блуждают из деликатности по ее плечам и волосам. Ее маленькая рука задержалась в его большой ладони на мгновение дольше, чем следовало, и они глядели друг на друга, словно застигнутые врасплох, но потом Мэри осторожно высвободила руку и еще раз заглянула ему в глаза.

– Я ужасно много слышал о вас, мисс Мэри, – сказал он.

А я знаю о тебе все. Он был из знатной шотландской семьи, и они с Недом часто обсуждали, как они построят собственную Утопию, где все смогут свободно жить и работать.

– Вот только он помолвлен с девушкой, которую знает с рождения, – сообщил сестрам Пертви. – Так что с Утопией пока ничего не получится, потому что он должен жениться на ней, хотя не думаю, что он очень жаждет этого, скорее это страстное желание его отца – объединить их владения и все такое. Так что я продолжу заниматься живописью, и Нед тоже; мы подождем, когда Далбитти будет готов строить дома. Вы тоже сможете там жить, дорогие сестрички; мы пустим женщин в нашу Утопию.

– Чтобы убирать за вами и штопать вам одежду? Ох, большая радость для нас, – ответила Лидди, не такая снисходительная, как Мэри, к прожекам брата.

Далбитти улыбнулся Мэри, попятился назад и наткнулся на Пертви; тот ударил по плечу своего второго приятеля.

– Мэри, это Нед Хорнер. Я уверен, что ты с удовольствием познакомишься с ним, ведь я только и знаю, что говорю о нем, после нашего знакомства. Сестры жаждут познакомиться с тобой, Нед. – Пертви подмигнул им обоим: – Правда, Мэри?

– Конечно, – ответила она, жалея, что ее брат держал себя довольно вульгарно, и опасаясь, что отец застанет его в таком виде. – Я рада познакомиться, мистер Хорнер.

– Я тоже, мисс Дайзарт. Здравствуйте, – сказал он и с улыбкой пожал ей руку.

Он был светлее и тоньше в кости, чем ее упитанный русоволосый брат, и, по оценкам Мэри, моложе на пару лет. У него были тонкие черты лица, и, хотя он носил костюм-тройку, как и его друзья, его одежда была поношенной и многократно чинилась. Его ладонь, державшая ее руку, была холодной даже в этот теплый майский день, а серо-голубые глаза смотрели пронзительно.

– Для меня огромная честь познакомиться с вами, мисс Дайзарт, – серьезно сказал он, когда они обменялись рукопожатием. – Ваш брат мой лучший друг... – Внезапно он замолк и, отвернувшись, слегка рыгнул.

– Ну вот, он все испортил! – прошептал Далбитти.

– Нед, ты что? – одернул его Руперт. – Не подводи нас. – Он повернулся к Мэри, хмурясь: – Сегодня утром Хорнер продал свою картину. Чарльзу Буту. Чарльзу Буту, Мэри! – Его лицо расплылось в улыбке. – Потрясающую картину, блестящую работу, – нет, не красней, Нед, это правда. – Пертви улыбнулся Мэри. – Под названием «Встреча». Мы видели ее н-на Летней Выставке. Лидди была от нее в восторге, помнишь?

Мэри кивнула, потому что помнила картину – молодые люди стоят на Хит и непринужденно беседуют: две женщины и четверо мужчин. Но больше она ничего не могла вспомнить, хотя ее брат с сестрой восхищались картиной, самой выставкой, даже ходили на нее еще раз, уже вдвоем. Мэри выставка не понравилась: залы тесные, зрителей ужасно много, толпы возле одной или двух картин в каждом зале, а сами картины такие мрачные, темные, скучные. Старики с усами, заложив руки за спину, разглядывали ее, Лидди, картины, толпу. А вот Лидди все очень нравилось.

– Я хорошо помню вашу картину, мистер Хорнер, – сказала Мэри. – Поздравляю вас.

– Вот почему я привел сюда старину Неда – чтобы он увидел Лидди и она могла бы сама поздравить его. – Мэри в ужасе открыла рот, а Пертви почесал в затылке. – Понимаешь, Мэри, мы пошли к «Локхарту» отпраздновать это событие и выпить за нашу будущую Утопию. Ели цыплят с каштанами. Каштаны и цыплята – деликатессимус! – Он замолчал. – Цыплята и каштаны. Выпили шампанского. Ну и все такое.

– Все испортил! – снова в отчаянии прошипел Далбитти.

– Пертви!.. – прошипела и Мэри, но неугомонный Пертви толкал своего друга Неда через широкий холл мимо отцовского кабинета к столовой.

– Ох, замолчи, Далбитти. Ты пока еще не уважаемый женатый мужчина – так что не веди себя как старый козел. Пойдем сюда, Нед, я притащу что-нибудь выпить! – Он хихикнул.

– Пертви, – снова тихонько позвала Мэри, глядя на удаляющуюся спину брата. – Если отец услышит тебя, он вышвырнет тебя на улицу, особенно после последнего раза. Пожалуйста, милый. Веди себя осторожнее.

Но брат лишь ухмыльнулся ей и махнул рукой. Зато к ней повернулся Нед.

– Я присмотрю за ним, мисс Дайзарт, – сказал он со своей милой кривой улыбкой.

– Наш старина Нед едва не умер от голода прошлой зимой, – недавно сообщил Руперт сестрам, когда они сидели в его Берлоге. Лидди писала, Мэри шила, а Пертви рисовал их;

им было хорошо втроем. – Он не захотел принимать деньги от Далбитти, ему ужасно трудно помогать. У него не осталось ни гроша, положение было ужасное. Его мать умерла, когда он был младенцем, отец – плотник и столяр, честный малый, даже слишком честный, потому что слишком добросовестно все делает за небольшие деньги; я видел его изделия, они прекрасные. Так что видите, откуда у Неда талант.

Лидди, задремавшая у камина, подняла голову:

– Он хороший художник?

– Восхитительный, – искренне ответил Пертви. – Лучший студент в академии, на голову выше всех остальных и самый молодой. Может за несколько минут набросать сцену, которую я не закончу за месяц, и когда ты на нее смотришь, то чувствуешь себя внутри нее. Удивительно, правда. А еще он вырезает ножом из дерева – делает маленькие фигурки. У него всегда должны быть заняты руки, так он сам говорит. Он мало спит, ничего не ест, изнашивает одежду до дыр. Он не такой, как я, совсем не такой; он живет ради искусства. Я люблю его как брата; он удивительный малый.

Тут Мэри услышала, как в глубине дома проснулся отец после своего дневного сна.

– Ханна?

– О господи, – прошептала она.

– Ханна? Боже, боже мой, где моя проклятая палка? Я не могу ее найти! Ханнаааа! – Зазвонил колокольчик, и снизу, из кухни, послышался звук торопливых шагов, отодвигавшихся стульев, и это предвещало скорое появление Брайант.

Но банда из трех шалопаев с веселым видом протанцевала мимо Мэри в сад, они размахивали руками, словно стрекозы на пруду. Мэри испуганно глядела им вслед, когда они мелькали среди квадратных рядов кустарника: высокий, неуклюжий Далбитти, ее собственный милый братец, толстый, похожий на Бахуса, и Нед Хорнер впереди всех – солнце светило на его лицо, рельефно подчеркивая его угловатую красоту.

За спиной Мэри застучали шаги, частые, негромкие, и ее словно окатило холодной водой, хотя у нее пересохло во рту.

– Добрый день, мисс Дайзарт, – раздался за ее спиной низкий голос. – Вы не знаете, где я могу найти мисс Лидию?

– Да, Брайант. Она в саду.

– Я позову ее. От портного привезли платье к чаю на примерку... – Мисс Брайант, маленькая, тощая, похожая на черного дрозда, прошла мимо Мэри, но девушка внезапно тронула ее за локоть:

– Нет, не надо.

Мисс Брайант повернулась, и Мэри увидела вспыхнувший в ее глазах гнев, мгновенно сменившийся холодной вежливостью, и почувствовала во рту металлический вкус.

– Мисс Мэри, я хочу к чаю сделать все дела.

– Она в саду с мистером Ронсли, мисс Брайант. Папа не хочет, чтобы им мешали. Я скажу ей – я передам, чтобы она пришла к вам. Она не опоздает.

Они так и не узнали, потому что никогда не спрашивали у отца, откуда появилась мисс Брайант. Впоследствии Лидди иногда казалось, что она родилась в Уэльсе, потому что в кошмарных снах до сих пор слышала ее голос, и в нем была кельтская напевность. Но Мэри настаивала, что она была кокни, хоть у нее была нормальная речь.

Какие ужасы она пережила в собственном детстве, раз превратилась в такую мрачную особу, они тоже никогда не узнали. Когда она пришла в дом, Лидди не было и семи лет. Уже на второй день она побила Лидди щеткой для волос и с тех пор была двадцать раз при каждой оплошности девочки, если она, допустим, не сразу приходила, когда ее звали, или опаздывала к чаю. Десять раз по попе, десять по голове, и так часто, что у Лидди начались головные боли и она даже слепла от них. Мисс Брайант никогда не оставляла синяков на лице девочки. Из-за

болезни Мэри гувернантка не была ее поначалу. Да и потом Мэри как-то реже делала промахи, в отличие от сестры. Ее юбки не рвались, кофты не пачкались, волосы всегда были аккуратно уложены. Не то что у Лидди.

Мисс Брайант повернулась и тихо ушла, а Мэри вышла в сад, приподняв края юбок. Стараясь прийти в себя, она вцепилась в ткань так крепко, что на пальцах побелели суставы. Вероятно, Лидди уже приняла предложение Хайворта Ронсли, выйдет за него замуж ко Дню Всех Святых и уедет отсюда к Рождеству, и Брайант тоже придется уйти из их дома. *Но я все равно буду видеться с тобой, мы с Пертви будем раз в несколько месяцев навещать тебя, и Хайворта, и миссис Ронсли.* – Так она скажет Лидди. – *Мы будем писать друг другу каждый день, а я буду заботиться о Пертви и отце, и у нас все будет хорошо!*

Зайдя за угол, она увидела невероятную сцену – Далбитти и ее брат ходили по краю фонтана, вытянув для баланса руки, а сестра стояла между Хайвортом Ронсли и Недом Хорнером, и у них шла какая-то серьезная дискуссия. Лидди увидела краем глаза серую юбку сестры и повернула к ней голову. На ее лице играла широкая улыбка. Мистер Ронсли дергал себя за кончик бороды, слушая, что говорил ему мистер Хорнер. Мэри подумала, приуныв, что он не похож на влюбленного, сделавшего предложение своей избраннице.

– Ой, Мэри, милая! – воскликнула Лидди и схватила сестру за руки. Ее пальцы были ледяными, руки дрожали. – Какая чудесная новость, мне не терпится рассказать тебе.

– Что за новость? – спросила Мэри, стараясь увести сестру в сторону, чтобы она успокоилась. Нед Хорнер похлопал Ронсли по плечу, возвращая его к разговору.

Мягкие волосы Лидди упали ей на плечи, кудри, так мучительно завитые, совсем распрямились. Она грызла ноготь.

– Мы с мистером Ронсли так хорошо поговорили про женщин и искусство. Я рассказала ему о картине Элизабет Томпсон, которую видела на Летней Выставке: ты помнишь ее, Мэри, милая? О Крымской войне. Вообще, мне кажется, что если бы нас не прервали, то мы бы...

У Мэри подогнулись коленки, и она опустилась на скамью. Лидди склонилась над ней:

– Милая Мэри, тебе плохо? Принести тебе воды?

– Значит, он не сделал тебе предложение?

Лидди покачала головой. Мэри огорченно вздохнула.

– Мисс Брайант – когда ты освободишься, она хочет, чтобы ты зашла к себе в комнату и померила платье к чаю, его прислал портной.

У Лидди помрачнело лицо.

– Ой, да ну ее, – сказала она, скрипнув зубами. – Я не хочу.

– Надо, – прошептала Мэри. – Дорогая моя, это надо сделать.

– Нет. – Лидди выпрямилась.

– Мисс Дайзарт, – неожиданно сказал Нед Хорнер; сестры повернулись к нему и увидели, что он не отрывал глаз от Лидди. – Вы станете судьей в нашем споре?

– Конечно.

Хайворт Ронсли кашлянул.

– Мистер Хорнер заблуждается, – сказал он и выпятил губы. – И я, знавший вас еще младенцем на руках матери, уверен, что это правда, но вы можете опровергнуть его слова сами, моя дорогая. Вы тоже, мисс Мэри. Разве не верно, как вы сами признали, что ограниченные способности вашего пола не позволяют вам полноценно воспринимать искусство?

– О! – воскликнула Лидди и даже подпрыгнула, но взяла себя в руки.

– Что до меня, – сказала Мэри после паузы, – я бы не стала доверять такой идее, и меня огорчает, что вы это делаете, мистер Ронсли.

– Дорогая моя, – с легкой улыбкой возразил Хайворт Ронсли, пристально взглянув на нее из-под полуопущенных век, и поправил пенсне на тонком римском носу. – Я опираюсь на факты, а не на цифры, как ваш хитрый старик отец. Общеизвестный факт, что слабость

женской конституции мешает женщине-художнице полноценно рисовать тонкими кисточками. Кроме того, сама мысль о женщине как о большом художнике весьма отвратительна, когда думаешь о том, какой *должна* быть ее роль. Тут сразу с нежностью вспоминаешь поэму «Ангел в доме» Патмора Ковентри. – Он покачался на носках, довольный собой. – «Мужчина должен получить удовольствие, но угодить ему – удовольствие для женщины». Как? В мой предыдущий визит мы с вашей сестрой обсуждали как раз этот предмет и сошлись на том...

– Вовсе нет, сэр, поскольку вы превратно меня поняли в тот раз, как и сейчас! – с жаром сказала Лидди. – Картины Элизабет Томпсон такие же хорошие, как и все прочие на выставке. А на мой взгляд, даже лучше, потому что она проявляет более тонкое понимание человеческой природы. – У нее сверкнули глаза. – Скажите мне, сэр, эта слабость женской конституции, от которой мы страдаем, она физическая или ментальная?

Ее маленькие руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались; рядом с ней стоял Нед Хорнер и глядел на нее с изумлением.

– Она права, Ронсли. Как вы ответите ей?

– Я согласен с Хайвортом, – беззаботно заявил Пертви. – Что бы вы там ни говорили, но у женщин просто нет достаточных сил для занятий живописью. Ну для прелестных акварелей их хватает, но не для больших полотен, посвященных важным темам. Войне. Любви. Героизму.

Внезапно он сел на бортик фонтана и вытер нос рукавом, а потом катастрофически громко изверг изо рта воздух. Хайворт Ронсли посмотрел на него с холодным неодобрением.

– Ох, Пертви, ты абсолютный... – пробормотал Далбитти.

– Мисс Дайзарт, пожалуй, вы и ваш брат забываетесь, – заявил Ронсли. Мэри дотронулась ладонью до руки сестры, и внезапно ее гнев прошел.

– Впрочем, вы правы, – сказала она через считанные мгновения и покорно пожала плечами. Словно поняла неизбежное.

Тут, словно ниоткуда, тонкий голосок запел.

О Ронсли, о Хайворт, о Хайворт, это так,

О Рамсворт, о Хайли, о фол-ди-рол-лак!

Хайворт Ронсли резко повернулся:

– Кто это? Кто поет такую чушь? Руперт? Это вы, сэр?

– Это его фамилия, а это, пожалуй, имя!

Но сказать их вместе терпения мне не хватило!

О Ронсли! О Хайворт, о Хайворт, чуди...

– Хватит! – крикнул Хайворт Ронсли сдавленным от ярости голосом; кончик его носа сделался совершенно белым. – Оставайтесь здесь, – резко сказал он Лидди, ткнув пальцем куда-то ей под ноги. – Сейчас я вернусь, и мы с вами решим вопрос, из-за которого я приехал к вам. – Мэри увидела холодную ярость в его взгляде и пренебрежение, с каким он отвернулся от нее. *Он не намерен жениться. И никогда не собирался. Он старая женщина, а не мужчина. Должно быть, папа знал об этом.* Ронсли направился в заднюю часть сада, и Мэри, к своему ужасу, увидела, как Пертви и Далбитти перелезали там через забор на кладбищенскую дорогу.

– Ужасные, ужасные озорники, – пробормотала Лидди. – Ой... о боже...

Но при этом она улыбалась, совсем чуть-чуть.

Мэри повернулась к ней:

– Дорогая моя, пожалуйста, сходи и узнай, что хочет мисс Брайант.

– Да, сейчас. Пойдем со мной. – Лидди торопливо пошла к дому, ведя за собой младшую сестру. Приблизившись к французским окнам, они слышали за спиной топот ног. Их догнал Нед Хорнер.

– Знаете что, мисс Дайзарт? – проговорил он, тяжело дыша. – Можно я приду к вам снова?

Лидди повернулась к нему.

– Вы мальчишка, – ответила она почти с презрением. – Пертви тоже мальчишка, да еще идиот, и мы с Мэри страдаем из-за его беспутства. Пожалуйста, сэр, не ищите общения со мной, раз вы участвуете в его выходках.

– Но он хороший малый. Он мой верный друг. Он страдает...

Она отвернулась от него и сказала усталым голосом:

– Прощайте, мистер Хорнер.

– Мисс Дайзарт, пожалуйста, позвольте мне...

– Нет, – отрезала она, и в ее голосе прозвучала истерическая нотка, какую Мэри никогда раньше не слышала. – Если бы он был вашим верным другом, вашим и Далбитти, вы бы не позволили ему так пьянствовать. А то у вас только разговоры о дружбе и утопиях. Вы бы помогли ему уйти из этого дома и помочь сестрам. Но вас это не заботит. Ни вас, ни Далбитти, и мы с Мэри вынуждены сами устраивать нашу жизнь.

Нед кивнул, скрипнув зубами, и волосы упали ему на глаза.

– Я клянусь вам, что мы поможем ему, – тихо сказал он. – Клянусь, с этой минуты я буду все делать для этого.

Его слова не произвели впечатления на Лидди.

– Хотелось бы верить, что вы говорите это серьезно.

– Да, серьезно. Даю вам слово. Я... я возьмусь за Руперта. Я знаю, что он страдает. Он мне очень дорог. Лидия – позвольте мне сказать вам – помочь вам – я хотел сказать, что после нашей встречи... – У него дрожал голос. – Вот...

Тут он достал из кармана своего поношенного сюртука деревянную фигурку и протянул ей.

– Я видел вас в тот день, когда вы с братом посетили академию, – прошептал он и поцеловал маленькую фигурку, которая лежала на его ладони. Лидди ахнула. Мэри отошла от них на несколько шагов и смотрела во все глаза. – Вы были в коричневом шелковом платье с кремовой оборкой. Мы говорили о живописи. У вас была тоска в глазах, а на руке синяк. Я это видел. Пертви рассказал мне, что она издевается над вами. Я думал о вас каждый день и сделал для вас вот это. – Он крепче сжал фигурку. – Я... вы мне очень дороги.

Он смотрел на Лидди сияющим, лихорадочным взглядом; Мэри даже отвернулась, неприятно задетая таким проявлением страсти. Лидди стояла, гордо выпрямив спину, и молчала.

– Я знаю, что вы поймете меня. Я... я хочу увезти вас отсюда. Сделать так, чтобы у вас были красивые вещи. Дом. Приятные гости. Пожалуйста. Пожалуйста, позвольте доказать вам, что я могу. – Он впился глазами в ее лицо, ожидая ее реакцию. – Пожалуйста!

Она молча кивнула и накрыла его руку своей узкой ладонью.

До конца жизни Мэри будет вспоминать эти мгновения. Как Лидди и Нед стояли на фоне красной кирпичной стены, обрамленные прямыми линиями подстриженных кустов, соединив руки, словно заключили договор. Сделку.

И потом он ушел, побежал по дорожке к задней стене сада, мгновенно перелез через нее и скрылся из виду. Сестры в изумлении стояли на ступеньках, а голос мисс Брайант, полный ярости, звал ее подопечных. Лидди разжала руку.

На ее ладони лежала фигурка девушки, с улыбкой обернувшейся на чей-то голос, в развевавшемся платье с подернутым рябью подолом, словно он был не из дерева, а из воды. И это была Лидди, ее маленькая, но точная копия.

Глава 9

*Простите меня, дорогой сэр! Простите меня —
Ибо я всего лишь глупая девица,
А у глупых девиц, не в пример вашему полу,
Сердце часто обманывается —
Дорогой сэр! Позвольте мне
Сделать крошечное признание.
Если бы я могла полюбить кого-то — ах — отдать свое сердце —
То это были бы вы.
Но — увы, этого не случилось, и я вынуждена сказать — адъё.*

Лидди выжидающе смотрела, как сестра бережно положила листок со стихотворением на бюро.

— Ну как? — спросила она без энтузиазма.

Мэри неопределенно пожалала плечами:

— Ну, знаешь, написано с *чувством*. Мне кажется, что автор был искренним.

— Автор я, Мэри. И ты это знаешь. — Лидди поправила прядь волос, выбившуюся из пучка.

— Да.

— Так что ты *думаешь* об этом? Как о стихотворении? Как о... о произведении?

Лидди проследила за взглядом сестры, Мэри вежливо отвела глаза и посмотрела в окно на осенний день, на взъерошенные ветром лимонные кроны деревьев в Южной роще.

На другой стороне улицы перед постоянным двором остановился кэб; одна из лошадей была старая, смертельно уставшая, с язвами от подпруги на обвислых боках, забрызганных грязью. Лидди пошевелила ноздрями, заморгала и, отвернувшись от печального зрелища, забарабанила пальцами по стене.

— Ой, Мэри. Когда-то я хотела стать художницей, но этим занялся Пертви, и я не сомневаюсь, что он будет делать это лучше. Потом у меня были планы открыть шляпную мастерскую, помнишь?

— А еще писать музыку. Те песни. Они были очень хорошие.

— Ох, не слишком. Я хочу что-то *делать*. Кем-то стать. — Они обе замолчали, понимая тщетность такой мечты. Лидди печально вздохнула. — Я не думаю, что стану когда-нибудь поэтессой. Во всяком случае, — поправилась она с искоркой юмора, — хорошей.

— Надо быть честной. — Мэри встала, отодвинула стул и взяла свой вышитый мешок с рукоделием. — Вот и все. Перед собой и читателем.

Лидди не смотрела ей в глаза. Потом она пробормотала:

— Хайворт сегодня уехал в Шотландию. Ты знаешь об этом?

— Да. Да, я знаю. И твои планы снова откладываются.

— Я просила, чтобы он взял меня с собой и чтобы ты сопровождала меня. — Лидди крутила перо между пальцами. — Но его мать сочла, что это будет неприлично, ведь мы еще не помолвлены. — От напряжения ее голос звучал почти пронзительно. — Ох, почему он все тянет и тянет!

— Если он все-таки сделает тебе предложение, ты согласишься выйти за него?

— Да, чтобы покончить с этой ситуацией. Я... Другого выхода нет. Я это понимаю.

После того весеннего дня Хайворт написал Лидди.

«...поведение, неподобающее для такой юной особы и моей будущей жены... ожидаю стандарт приличий... отсутствуют кротость и выдержка. Ясно, что я должен пересмотреть мою позицию, а также подготовить вас самым

тщательным образом к семейной жизни, если наш союз будет одобрен мной, вашим отцом и Всемогущим Господом, Творцом Всего Сущего...»

Пертви был сурово наказан, отец стал давать ему меньше денег и отменил учебу на последнем курсе Королевской Академии; кроме того, запретил ему видаться с Недом Хорнером и Люшесом Далбитти, чтобы они не подбивали его на пьянство и неприличные выходки. Сестры остро переживали за него. Пертви остался теперь без дела, которое позволяло ему тратить нервную энергию и отвлекало от других пороков, тем более что живопись была единственным занятием, к которому у него были способности. Сестры считали, что отец поступил невероятно глупо, но не было никакой надежды, что он переменит свое решение. Их отец был как моллюск – он просто закрывал створки, если ему что-то не нравилось.

Далбитти выучился на архитектора и уехал на континент; семья возлагала на него надежды; ясно было давно, что он должен встать на ноги и зарабатывать себе на жизнь, прежде чем жениться. О Неде Хорнере вообще не было ничего слышно после того дня, и в их доме он больше не появлялся.

В дверях Мэри остановилась:

– Ты пойдешь сегодня днем на лекцию в Хайгейтское литературно-научное общество?

– Нет, Мэри... – ответила Лидди, хотя долго колебалась. – Сейчас меня это не интересует. Я немного поработаю, а потом, пожалуй, уговорю Пертви встать с постели и пойти со мной на прогулку в Хит. Ты пойдешь?

– Мисс Мэдисон интересуется всякими сверхъестественными явлениями. Мы с ней договорились вместе пойти на лекцию. – Мэри с сияющими глазами наклонила голову набок и сглотнула, словно изо всех сил пыталась себя контролировать. – А ты будь осторожнее!

Лидди кивнула сестре, крепко сжав губы, и взялась за перо, но, когда дверь закрылась, она аккуратно отложила его и побежала к окну. *Надо быть честной.* Кэб уехал, лошадей напоили.

– Вот, хоть немного отдохнули, но ненадолго, – пробормотала она вслух звонким от гнева голосом.

Дрожащими пальцами Лидди надела зеленовато-синюю бархатную шляпку с узкими полями, украшенную перышком сойки, которое она нашла в Хит, и торопливо набросила на плечи тускло-серую шерстяную накидку – потому что в этом году октябрь был холодным и сырой ветер пронизывал до костей. Она посмотрелась в зеркало, пощипала себе щеки, быстро прошла по комнате, собирая свой маленький ридикюль, вынула из него образцы вышивки, спрятала листки со стихами и положила письмо, которое заранее написала крупными, неряшливыми каракулями, из-за которых так часто получала выговор от отца и мисс Брайант. Закончив, с удовлетворением огляделась по сторонам. Это была комната юной леди, которая вышла из нее на пару минут в поисках... чего?.. Ну шелковой нитки, книжки, потерянной перчатки.

На лестнице раздались шаги – Лидди вздрогнула и, прокравшись в спальню Мэри через соединявшую их дверь, направилась к черному ходу. Отец сидел в своем кабинете. Ханна ушла: это был ее свободный день. Миссис Лидгейт была у мясника, Мэри ушла на лекцию, Пертви громко храпел у себя в комнате. А мисс Брайант нигде не было видно, и это самое главное.

Через минуту Лидди уже переходила улицу, терпкий, сладкий запах древесного дыма смешивался с угольным дымом, запахом навоза и прелых осенних листьев. Она направилась к наемному экипажу, который видела до этого. Он ждал ее.

Лидди погладила дрожащие бока лошади, залезла в кэб, опустив глаза и прикусив губу, потому что сознавала, что предает все свои принципы, которые так рьяно соблюдала! С сокрушенным сердцем она устроилась на заднем сиденье кэба.

– Холодный день нынче, правда? Куда поедем, мисс? – проговорил широколицый возница, накрывая пледом ее колени. Она оттолкнула его руку, стремясь поскорее тронуться в дорогу, уехать от своего дома.

– В Блэкфрайерс – ой, скорее, пожалуйста, к мосту Блэкфрайерс. Как в прошлый раз, сэр.

– Эх, как прикажете, мисс, – отозвался он и угрюмо втянул носом воздух, словно ему хотелось высказать что-то еще по этому поводу. Одна из его лошадей жалобно заржала, он щелкнул кнутом, и они тронулись с места. По щекам Лидди катились крупные слезы, потому что она каждый раз ненавидела эту дорогу, но ничего не могла с собой поделать, как не могла, скажем, перестать вдыхать воздух.

Дорога к югу от мясного рынка Смитфилд была запружена всевозможным скотом – когда она начала ездить этим путем, она видела ягнят, совсем таких, о которых она мечтала в раннем детстве, с белками глаз, вращавшихся на их глупеньких мордочках; они жалобно блеяли, когда их грубо заталкивали в загоны. Теперь, через несколько месяцев, это были уже молодые овцы, пушистые буроватые облачка. Их держали в больших железных ангарах вместе с бычками и козами. Лидди привыкла затыкать уши, проезжая мимо, чтобы не слышать крики животных, которых вели на убой, да так и сидела пару минут, крепко зажмурив глаза, пока кэбмен орал на скотину и людей, чтобы те дали ему проехать. Потом они ехали вниз к перекрестку Лудгейт; там, пока они пробирались сквозь поток кэбов, повозок и омнибусов, несколько парней возле паба «Собака и Миска» заглянули в кэб и отпустили пару непристойностей, которые Лидди игнорировала. Уличный подметальщик, кудрявый, черноволосый парнишка моложе ее, торопливо заскакивал в транспортный поток и выметал с мостовой пучки соломы и конские яблоки, стараясь не попасть под омнибус. И вот они приблизились к мосту Блэкфрайерс. Поначалу оборванные, грязные женщины, копавшиеся в грязи и отбросах на узких берегах зловонной Темзы, вызывали у Лидди любопытство, пока кэбмен не объяснил ей, что они ищут кожу, стекло, куски дерева – все, что можно сдать за деньги на переработку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.